

ВИКТОРИАНСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА ТОРН

ТИГРЫ РЕДФЕРНОВ

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ
КОМИССАР БРЕННОН И МИСТЕР ЛОНГСДЕЙЛ

Александра Торн
Тигры Редфернов
Серия «Консультант», книга 3
Серия «Магия
викторианского детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67622648
Тигры Редфернов: [роман] / Александра Торн: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148138-4

Аннотация

Если вампиры не сгорают на солнце – значит, это кому-нибудь нужно. Поиски загадочного чародея, практикующего мазандранскую магию, приведут комиссара Бреннона и консультанта Лонгсдейла сначала на заколдованный корабль, а затем – в леса на севере континента.

Энджел Редферн и его ученица Маргарет тоже под угрозой – чародей, не жалея ни сил, ни человеческих жизней стремится разгадать загадки семейства Редфернов, а им действительно есть что скрывать...

Содержание

Блэкуит, Бресвейн, Авентин, осень 1864 года

4

Конец ознакомительного фрагмента.

113

Александра Торн Тигры Редфернов

**Блэкуит, Бресвейн,
Авентин, осень 1864 года**

5 сентября

– Ну вот и все, – довольно сказал Бреннон, подписывая судебные листы для отправки дела в суд, – осталось запаковать – и на покой с чистой совестью, э?

Бирн вздрогнул всем телом. Минуло уже пять месяцев с тех пор, как комиссар Натан Бреннон вернулся из отпуска, а старший детектив все еще не до конца пришел в себя. Внезапно он осознал, какую свинью начальство может подложить ему, свалив на пенсию в любой момент. Комиссар с умилением вспомнил, с какой радостью – и скоростью! – едва закончив с пространным докладом, Бирн смотался из кабинета. Единственное, что напоминало о его месячном владычестве, – новые жалюзи и другое кресло. Жалюзи, кстати, понравились Бреннону больше штор. Сентябрь был по-летнему теплый, и солнце прогревало комнату даже сквозь уз-

кие щели между планками.

– Денек сегодня – чудо, – заметил комиссар. – Самое то для пикника или рыбалки.

– В Туине не советовал бы, сэр, – вежливо ответил Бирн, не переставая сверлить его подозрительным взглядом. – Намедни из него безглазых рыб выловили. И еще не то вылезет, ежели дальше будут сточные воды в реку лить.

– За город можно выбраться, – продолжил Натан, ехидно поглядывая на детектива. – Чистый воздух, ветер свободы, то-се. А?

– Не люблю деревню, сэр.

– Да, в городе повеселее, – кивнул Бреннон и захлопнул папку. – Режут, грабят и насилуют на каждом шагу.

Он придвинул Бирну стопку папок, и детектив принялся упаковывать их в коробку. Натан подошел к окну и выглянул в щелку между планками жалюзи. Двое рабочих под присмотром Виктора ван Аллена обновляли краску на фасаде кафе. Рядом кипела стройка – Валентина купила соседнее здание и расширяла дело. Полицейские уже с воодушевлением мечтали о обедах и ужинах, за которые не придется вести борьбу с клерками и прочими посетителями в маленьком зале «Раковины». В дверь постучали.

– Вас вызывает мистер Бройд, сэр, – доложил дежурный. – Вас и детектива Бирна.

Бирн судорожно дернул завязки на коробке.

– Сейчас будем. Расслабься, – добавил комиссар добро-

душно, — я не собираюсь на пенсию на этой неделе.

— Оно хорошо, сэр, — пробормотал Бирн. — Что вам там делать-то, на пенсии?

Бреннон знал, почему детектив так опасается карьерного роста — по департаменту вовсю распространялись слухи, будто комиссар отдела убийств вот-вот лишится холостяцкой свободы и оставит свой кабинет ради вящего процветания кафе и пекарни. Натан посопел. Найти бы этого распространителя да потолковать с ним по душам!

Велев дежурному отнести коробку в экспедиционный отдел, Бреннон запер дверь и поправил прибитый под табличкой амулет. Детектив тоже еще носил серебряный медальон, который получил от Лонгсдейла, а смешки коллег за последнее время сошли почти на нет. Поднимаясь по лестнице, Натан перебирал в памяти множество тухлых дел, которые закрывались за недостаточностью улик или висели годами без движения, и прикидывал, сколько из них было бы раскрыто при помощи консультанта.

— Сэр, вы забыли, — Бирн протянул какой-то листочек. — Я нашел его в книге.

— Какой книге?

— «Классификация нежити». — Детектив кашлянул. — Взял почитать у Лонгсдейла.

Бреннон сунул бумажку в карман и постучался к шефу.

— Как тебе читиво? Захватывающе, а?

— Не то слово, сэр, — хмуро отозвался Бирн, и они вместе

шагнули в кабинет.

В воздухе плавали клубы дыма, а посреди табачного тумана восседал Бройд и пыхтел сквозь сигару, изучая какое-то письмо. Определить характер пыхтения Бреннон не смог – не то торжествующее, не то удивленное, а может, и раздраженное...

– На, прочти, – с ходу заявил шеф и толкнул письмо так, что оно заскользило по столу. – Ну каково, а?

Комиссар разогнал посланием клубы дыма и подошел поближе к окну. Письмо на нескольких плотных листах с бледно пропечатанным гербом наверху было написано с немалым количеством ошибок. Натан не без труда продрался сквозь косноязычные восхваления, добрался до сути и удивленно присвистнул.

– Они это серьезно, сэр?

– Как поп во время проповеди, – фыркнул Бройд и помахал другим письмом: – Это мне прислали высокопоставленные парни из Отдела республиканской безопасности, прямоком из Министерства внутренних дел. Никаких шуток.

Бирн негромко кашлянул, и Бройд кивком велел комиссару огласить прочитанное.

– К нам едут коллеги с континента. – Бреннон прищурился на название: – Из Лин-ден-шт... тш... штрассе?.. Словом, уголовная полиция кайзера желает приобщиться к нашему опыту, потому что их весьма впечатлили наши успехи. В установлении, – прочитал комиссар, – порядка и законно-

сти в столь краткий срок в таком молодом государстве.

– Кайзера? – с изумлением переспросил Бирн. – А как они, простите, будут приобщаться? Я на их языке ни слова не знаю, а они на нашем?

– Гм-м-м, – глубокомысленно изрек комиссар и полистал пространное письмо в поисках ответа.

– Насчет этого не волнуйтесь, – сказал шеф. – Как заверяет меня заместитель начальника ОРБ, все прибывающие довольно сносно говорят на риадском. Всего их будет трое, и, на всякий случай, к ним приставят переводчика.

– Но почему едут к нам, сэр? – спросил Бирн. – Разве их не интересует столичная полиция?

– Кайзер Доргерна затеял реформу полиции и уголовного сыска, – пояснил Бройд. – Ему интересно, как все устроено на местах. Вот наше место они и хотят посмотреть.

– Черт подери! – воскликнул Натан, долистав до конца. – На наши головы свалится аж целый секретарь министра!

– Мистер Франц Эйслер, секретарь министра внутренних дел, – зачитал Бройд, мрачняя на глазах, – мистер Конрад Штрауб, старший инспектор столичного полицейского управления, и доктор Йоганн Ройзман, специалист по криминалистике. Нам уже велено облизывать и носить на руках. Видимо, кто-то оттуда, – он ткнул сигарой в направлении потолка, – хочет подлизаться к кайзеру Вильгельму. Пока у него самая большая армия, то и влияние на континенте тоже не из последних.

Бреннон тяжело вздохнул.

– Ну хорошо, кто-то оттуда хочет, а нам что делать? Вымыть департамент с мылом, поставить цветочки, расстелить шелковые ковры, организовать танец семи покрывал?

– Вы – собирайте чемодан, – сурово цыкнул Бройд. – Поедете со мной в столицу, встречать.

– Я?! – Комиссар подавился воплем «За что?» и умоляюще уставился на шефа. – Зачем?

– Бирн останется за старшего в вашем отделе.

«Опять?!» – отразилось на физиономии несчастного.

– Всем все ясно? Свободны. Поезд завтра в три сорок пополудни. Билет получите утром в экспедиции.

– Да, сэр, – глухо буркнул Бреннон, положил письмо на стол и оставил шефа наедине с сигарой; Бирн, излучая глубокую тоску, последовал за комиссаром.

* * *

– Мне кажется, вы не в настроении, – пронизательно заметил Лонгсдейл; пес повернулся к комиссару в ожидании ответа.

– Угу, – пробурчал Бреннон и окинул кабинет страдальческим взглядом. Родное, можно сказать, гнездо! Они тут еще с первым комиссаром собственноручно стены красили и потолок белили! После революции, в сорок пятом-то году, где было маляров и штукатуров взять...

– У вас неприятности?

Натан упал в кресло и мрачно уставился на джентльмена с собакой.

– Как мы им это все объясним? – Он ткнул пальцем в элегантную фигуру консультанта и пушистую – пса. – Вот это все?

– Что объясним? Кому?

Бреннон, не жалея эпитетов, поведал Лонгсдейлу о грядущем нашествии. На кайзера комиссару было в общем и целом плевать, но кто их просил лезть сюда буквально ногами?!

– Почему вы думаете, что доргернская полиция никогда не сталкивалась с вмешательствами? – спросил консультант, явно стараясь утешить. Пес положил морду на подлокотник кресла и посопел в знак поддержки. Бреннон горестно фыркнул:

– Они, может, и сталкивались, да только вряд ли этот Штрауб лично гонял ифритов. Если Редферн не врет, вас таких всего-то сто двадцать семь, и увидеть вас можно реже, чем снег в июле.

– Да, – задумчиво кивнул Лонгсдейл, – нас не очень много. Ну так и не рассказывайте.

– Как? Непременно кто-нибудь проболтается! Хорошо еще, – добавил комиссар, смерив двуединую сущность, которую представляли собой человек и пес, тяжелым взором, – что мы вам ничего не платим и в учетных бумагах вы у нас

не числитесь.

– Но разве вам не лестно, что вашу полицейскую систему так высоко оценили?

– Ну, может, – пробурчал комиссар. – Есть немного. Но сюда-то зачем переться?

Лонгсдейл поразмыслил.

– Скажите, могу ли я, чтобы развеять ваше недовольство, пригласить вас в театр?

– Чего?! – поперхнулся Бреннон. – Это еще зачем?!

Пес ехидно фыркнул.

– Чтобы развеять ваше недовольство, – терпеливо повторил консультант. – Поправить ваше настроение перед поездкой. Вы знаете, что в Блэкуите есть театр?

– Да, – ответил комиссар, хотя и не знал, зачем он нужен. – Я там ни разу не был. Правда, актеришек допрашивал пару лет назад, когда в том квартале кто-то повадился бить прохожих дубиной по голове и грабить трупы. – Пес зафыркал так, что Натан заподозрил, будто над ним смеются. – Что там делают? – с досадой спросил комиссар.

– Обычно – смотрят спектакли. – Лонгсдейл вынул из кармана маленький сверток. – Но мы будем искать кое-что потустороннее. Или, – нахмурился консультант, – не совсем живое.

Комиссар с интересом привстал: Лонгсдейл развернул платок и показал узкий острый, чуть загнутый коготь – слегка розоватый, полупрозрачный, на вид как стеклянный.

– Он не сломан.

– Именно, – кивнул консультант, – коготь не сломан, он сброшен. Некоторые существа во время роста сбрасывают старые зубы и когти. А поскольку растут эти создания по мере увеличения числа жертв...

– Усек. – Бреннон вернул ему коготь, взял шляпу и трость. – Где вы это нашли?

– Это не я нашел, – ответил Лонгсдейл. – Мне это принесли.

* * *

К удивлению Бреннона, в театре было очень тихо – это в понедельник-то после обеда, когда все приличные люди в поте лица зарабатывают на хлеб. Им открыл престарелый сторож и проводил в директорский кабинет на первом этаже, позади фойе, среди такого лабиринта узких коридорчиков, что Натан подивился, как строители ухитрились впихнуть этот муравейник в столь малую площадь.

Директор театра поднялся им навстречу, вынырнув из стога бумаг, как бобер из хатки. За два года он не изменился – все тот же невысокий, крепко сбитый мужчина, лет сорока пяти на вид, с пышной, совершенно седой гривой и роскошными бакенбардами. Увидев комиссара полиции, он заметно насторожился. Голубые глаза сузились, и он пристально осмотрел Бреннона с головы до ног.

– А, вы, – наконец заключил директор без особой приязни. – Мистер Лонгсдейл, разве с моей просьбой возникли какие-то затруднения?

– Мистер Эдуард Фарлан, – церемонно представил его консультант и указал рукой на своего спутника: – Комиссар Бреннон, глава отдела особо тяжких преступлений.

– Мы знакомы, – с холодком отозвался мистер Фарлан. Комиссар хмыкнул. – Откровенно говоря, я не рассчитывал на вмешательство властей.

– Мистер Лонгсдейл – консультант полицейского департамента. Он обязан сообщать нам о всех подозрительных случаях, с которыми сталкивается, – сухо заметил комиссар.

Пес издал крайне скептический звук. Взор мистера Фарлана пал на животное и потяжелел.

– Вы привели сюда собаку?

Лонгсдейл поглядел на пса так, будто его удивило само возникновение вопроса, и сказал:

– Когда вы обратились ко мне, мне показалось, что вас беспокоит безопасность ваших сотрудников и зрителей. В таком случае это дело полиции.

– Полиция уже вела здесь свои дела и не проявила к нам ни малейшего уважения.

– Зато тип, насмерть угостивший одного из ваших шутов дубинкой, благополучно добрался до виселицы, – заметил Бреннон. – Итак, слушаю. Что заставило вас обратиться к мистеру Лонгсдейлу?

Фарлан нашарил под столом трость и, хромя, протиснулся мимо посетителей к двери.

– Прошу за мной, господа. Ваше животное можно привязать у черного входа.

Пес молча смерил директора театра долгим взглядом.

– Не бойтесь, он ручной, – сказал Бреннон. Могучий зверь перевел глаза на комиссара и задумчиво щелкнул зубами.

– Я полагал, – сухо произнес мистер Фарлан, пока вел посетителей узкими коридорами к загадочной цели, – что вы, гмм-м-м... специалист по некоторым видам животных, и никак не думал, что полиция имеет отношение к их отлову.

– Вот видите, – невозмутимо указал Натан, – пес тут в самый раз. Верно, Кусач?

Собака продемонстрировала ему весь набор зубов.

– Ну, на Рыжего ты сам не откликаешься, – пробормотал Бреннон.

– Этот коготь, который я вам принес, – продолжал Фарлан, поднимаясь по тесной лесенке с помощью перил и трости, – обнаружил один из наших плотников. Откровенно говоря, если бы не место находки, я бы не придавал этому значения. Прошу.

– Что же это за место? – спросил Лонгсдейл и ступил на сцену. Фарлан указал тростью вверх. Бреннон задрал голову и протяжно присвистнул. В темноте над сценой едва виднелась некая конструкция, до которой было добрых двадцать футов.

– Ни черта себе! Как оно туда влезло?

– Дело не в том как, – еще суше сказал директор, – а в том, что это зрительный зал, и я не хочу, чтобы здесь появилось какое-то животное, когда он будет полон людей.

– Да, – задумчиво согласился Лонгсдейл, – в этом вы правы...

– А где сейчас все ваши актеры? – поинтересовался комиссар. – Почему никого нет?

– В понедельник у нас выходной. Потому я пригласил мистера Лонгсдейла именно сегодня.

«А вас – не приглашал», – прочел комиссар по физиономии директора. Впрочем, они и в прошлый раз не ладили с первого же взгляда.

– Что это такое? – Бреннон указал на конструкцию, пока пес обнюхивал сцены, а консультант доставал из чемоданчика пояс с инструментами.

– Колосники, – с некоторым презрением ответил Фарлан. – Необходимы для спуска и подъема декораций и прочих элементов. Плотник всегда проверяет их состояние вечером в воскресенье, после последнего спектакля. Собственно, вчера он нашел там коготь и вот... – Директор с досадой посмотрел на комиссара, консультанта и его пса, уже явно сожалея о своем решении.

– А как туда влезть? – поинтересовался Лонгсдейл.

Фарлан оглянулся на консультанта и удивленно поморгал: тот сложил трость, шляпу, сюртук и жилет на сцену и опоя-

сался ремнем с развешенными на нем инструментами.

– Вы собираетесь ловить животное прямо сейчас? То есть вам не нужна помощь, сетки, снотворное или ружье?

– Сейчас там никого нет, – спокойно сказал Лонгсдейл. – Потому что если бы кто-то был, то уже прыгнул бы вниз, на добычу.

Фарлан нахмурился и посмотрел на колосники. Потом повернулся и похромал обратно в узкие коридоры. Оттуда он вывел своих спутников к тесной, темной и крутой лесенке из камня, которая поднималась ввысь, огороженная скорее намеком на перила из тонкого прута. Директор потрогал палкой ступень и вздохнул. Он уже поставил на нее ногу, когда Натан его остановил:

– Спасибо, дальше мы сами. Когда слезем, хотелось бы увидеть вашего плотника.

– Да, хорошо. – Фарлан с заметным облегчением отступил от лестницы. Бреннон, протискиваясь мимо, покосился на его левую ногу (архитектор, возводя театр, стремился к строжайшей экономии места). На левой руке директора недоставало мизинца и безымянного пальца, а средний был искривлен. У виска виднелся бледный старый шрам. Уж не потому ли этот достойный джентльмен так шарахается от полиции, что в прошлом у него какие-нибудь криминальные дела?

«А может, – вздохнул Натан, согнувшись в три погибели, чтобы проползти по лестнице, – это просто личная неприязнь».

Лонгсдейлу, который был крупнее и шире в плечах, приходилось еще хуже. Иногда он останавливался и осматривал стены. Наконец, почти на самом верху, консультант указал на длинные свежие царапины в серой штукатурке.

– Что это, как думаете? – переспросил Бреннон.

– Кто-нибудь из вампировидных, – сказал консультант и осторожно выбрался на решетку из бруса. В просветах виднелась сцена и рыжий пес, бродящий по ней. Бреннон огляделся. Кругом были какие-то блоки, лебедки, тросы, механизмы, назначения которых комиссар не знал; над головой чернели перекрытия крыши. – Смотрите! – снова привлек его внимание Лонгсдейл.

Натан с опаской придвинулся к консультанту: тот нашел еще царапины на брусках и показывал комиссару второй коготь, застрявший в дереве.

– Черт побери, – пробормотал Бреннон и принялся озираться. Самым неприятным открытием при чтении «Классификации нежити» для него стало то, что вампировидные не спят в гробах, как бают сказки, а предпочитают взбираться повыше и прыгать жертвам на голову. В темноте перекрытий было столько места, что там мог укрыться целый выводок тварей. – У вас есть лампа?

– Я и так все вижу. Ах да! – спохватился Лонгсдейл. – Простите. Вот.

Он сунул комиссару приспособление вроде трубки с расширяющимся концом, в котором было стекло.

– Скажите «Lumia», – с почти детской непосредственностью предложил консультант, следя за Натаном. – Сосредоточьте ваше воображение, желание и силу воли на свете фонарика.

– Самое время, – кисло пробурчал Бреннон и прикинул, можно ли будет врезать вампировидному фонариком, если оно вдруг прыгнет.

– О, ну скажите!

Комиссар уставился на фонарик и буркнул:

– Lumia.

К его изумлению, внутри блеснул и тут же погас свет. Натан сосредоточился, представил себе светящийся фонарик и повторил «lumia». У него, конечно, не вышло – свет в итоге зажег консультант, но фонарь честно мигал в ответ на усилия Бреннона.

«Интересно». – Натан обвел фонарем колосники. Он-то думал, что сакральные знания могут постичь лишь избранные, а оно вон чего...

– Что ищем? – спросил он консультанта.

– Следы когтей, сами когти, зубы, клочья кожи, волосы, пятна крови.

– Думаете, оно уже заело кого-то?

– Если оно сбрасывает когти, значит, растет. Для роста нужна пища. Хотя пока еще, вероятно, оно не убивает жертв.

– Оно может только прятаться в театре, а охотиться на улицах. – Комиссар осторожно побрел по решетке кругами,

освещающая себе путь фонарем. – Кстати, почему именно тут? Я надеюсь, вы не скажете сейчас, что это здание построено на могилах тысячи невинно убиенных младенцев?

– Да нет. – Консультант задумчиво поглядел в потолок. – Здесь просто хорошее место для уютного гнезда.

– Так что же это за пакость?

– Пока не знаю.

Бреннон посмотрел вниз, на пса и директора театра, который беседовал с каким-то человеком; потом вверх, на перекрестья темных, едва различимых балок, и со вздохом заключил:

– Теперь уж я точно уеду в столицу со спокойным сердцем.

* * *

Маргарет закончила со смазкой, протерла деревянные части мягкой тряпочкой и бережно уложила револьвер в коробку, гравировкой вниз. Энджел велел оружейнику выгравировать на ее револьверах «Мур» и «Мяу» – чувство юмора у наставника иногда было весьма своеобразным. Но со временем привыкаешь...

Она убрала в ящик для оружия кисти, щетки, смазку, растворитель и все остальное. Ветерок играл с белыми шелковыми шторами, в распахнутые окна струился аромат хвойного леса и нежный рассеянный свет сентябрьского вечера. Маргарет встала, с наслаждением потянулась и отправилась

в ванную, бросив вождедеющий взгляд на новую книжку на столе у дивана. Автор «Графа Вампира» давно ее разочаровал, и теперь она поглощала исторические авантурные романы, в основном за тем, чтобы дразнить Энджела пересказом сюжета и разнообразных деталей, которые писатели считали достоверными.

Намыливая руки, Маргарет проверила в зеркале, не остались ли на физиономии следы пороха и смазки, и снова подумала, что все-таки корсет стройнил, но даже ради талии в двадцать дюймов она бы ни за что не втиснулась снова в эту душегубку. Тем более что и без всякого корсета Энджел мог обхватить ее талию ладонями так, что пальцы сходились.

«И вообще под блузкой не видно», – подумала девушка. Хотя сначала чуть не умерла от смущения, когда наставник вручил ей розовую коробку, украшенную бантами, и с ехидной усмешкой наблюдал, как Маргарет, заливаясь краской, достает лифы вроде коротких кофточек на пуговках и косточках.

– Примерите? – предложил он и увернулся от огненного шара с ловкостью, говорящей о немалом опыте.

«Хорошо бы он сегодня пришел». – Маргарет уютно устроилась на диване, взяла ножик для резки страниц и книгу «Львы престола». Девушка в предвкушении вдохнула запах типографской краски и нырнула в роман.

Сумерки сгустились, окрасились в темно-голубой, и Маргарет уже зажгла лампу, когда наконец услышала легкие, по-

чти бесшумные шаги. Энджел, без сюртука и жилета, постоял на пороге, опираясь локтем о косяк и глядя на девушку из-под руки, которой прикрыл глаза. Он выглядел уставшим, и свет был неприятен для его глаз. Маргарет пригасила лампу и сдвинулась к спинке дивана. Наставник лег рядом, положил голову на грудь девушки и поморщился, взял руку своей ученицы и притянул к виску с бьющейся жилкой. Мисс Шеридан принялась массировать кончиками пальцев его висок, голову и шею под ухом. Энджел протяжно вздохнул, обхватил рукой талию девушки и закрыл глаза.

Маргарет даже не догадывалась раньше, как много он работал. Конечно, она понимала: для всего того, что Энджел ей показывал, необходимы средства, причем весьма немалые, но она и представить себе не могла, сколько времени учитель тратил на то, чтобы их заработать. Иногда ей казалось, что он вовсе не спит, днем погруженный в финансовые дела, а ночью – в магические. А потому девушка старалась учиться усердно, чтобы ему не приходилось вместо отдыха возиться с нерадивой ученицей.

Рука Энджела расслабилась, морщинка меж бровей разгладилась, и дыхание стало тихим, глубоким и ровным. Он тяжелее придавил девушку к дивану, жилка на виске перестала судорожно биться – Редферн заснул. Маргарет отвела волосы с широкого лба спящего и коснулась его у складочки над левой бровью. Жар, который всегда донимал Энджела во время мигрени, ушел, но наставник стал негромко по-

храпывать. Маргарет сползла по подушкам пониже и поправила его голову так, чтоб шея не выгибалась. Похрапывание стихло, и девушка снова взялась за книгу.

Прошло часа два и четыре главы, прежде чем Энджел зашевелился, зевнул, протер глаза и пробормотал:

– Это я заснул, что ли, да?..

Голос у него был хрипловатым и неразборчивым спросонья.

– Вы каждый раз так удивляетесь, прямо как впервые, – ворчливо ответила Маргарет: поскольку она не шевелилась, чтобы его не разбудить, у нее затек левый бок.

Редферн приподнялся на локте, потер шею, покрутил головой, довольно хмыкнул – и улегся обратно.

– Ну эй! – возмутилась девушка.

Наставник перевернулся на спину и посмотрел на нее снизу вверх, как кот:

– Мне кажется, вы невеселы.

– Еще бы! Вы отдавили мне все, что только можно! Я скоро стану как камбала, и меня можно будет подкидывать под дверь в конверте. А еще вы ужасно жесткий и костлявый. Ели бы побольше, что ли...

Энджел поднял бровь.

– Сеанс ваших нелогичных жалоб окончен? Я как раз хотел вознаградить вас за прилежание в учебе, а так ведь могу и передумать.

– Вы подразумеваете под наградой залежалую конфетку

из вашего кармана? – фыркнула Маргарет и отгородилась книгой.

– Это было всего один раз! – с искренним возмущением воскликнул Энджел. – Вы сами хотели попробовать конфету эпохи регентства, я вас не заставлял! Я вообще забыл, что она там лежит... А это что?

Он приподнялся на локте и взглянул на зеленый шелковый ридикюль, который уже полгода пылился на столе.

– Моя вышивка, – досадливо отвечала Маргарет и положила руку ему на грудь, чтобы вернуть обратно. – Я еще дома ее начала и все никак не найду время доделать.

– Но на что вам эта штука? У вас же чертова уйма этих мешочков...

– Ридикюль, Энджел, – с улыбкой поправила девушка. – Это называется ридикюль, – и вручила ему сумочку для ознакомления.

– Но что вы в них носите? – Он в недоумении залез внутрь и потряс сумочку. – Туда же не влезет ни нож, ни пистолет.

– Баночку с кремом, гребешок, платок, ключи от шкатулки, кошелечек с мелочью...

– То есть вы берете один мешочек и кладете его в другой мешочек? – удивленно спросил Энджел. – Но зачем?!

Маргарет поманила его поближе и, когда он доверчиво к ней подался, прошептала:

– Потому что на женском платье нет карманов. Совсем! Только тс-с-с-с, этого никто из мужчин не знает, вы первый.

Судя по физиономии Редферна, это действительно стало для него таким открытием, что мисс Шеридан не выдержала и расхохоталась. С одной стороны, ничего удивительного – исходя из его вопросов, живых женщин здесь давно не было, но с другой... она слегка порозовела. Довольно часто, когда Энджел возвращался домой, Маргарет, встречая его, улавливала запах женских духов и вообще женщин. Это ее смущало, тем более что Энджел старался держаться от нее на расстоянии, пока не принимал ванну у себя, и девушка никак не могла понять, в чем же тут дело.

– Ну да ладно. – Наставник бросил ридикюль на столик. – Сегодня вы обработали мишени так основательно, что будем считать поход в театр заслуженным.

– В наш театр? – забеспокоилась Маргарет. – Но я не могу, меня же там увидят!

– Не волнуйтесь, – презрительно отозвался Энджел, – я отведу вас не в ваш театр, а в хороший.

Девушке стало обидно, но возразить она не успела.

– Авентинская опера, – промурлыкал Редферн, сладко потягиваясь и насмешливо щурясь на воспитанницу.

– Опера?! – простонала Маргарет. – Опять?! Я еще не оправилась от прошлого раза! Подождите, – вдруг встрепенулась она, – мы поедем в Авентин? А можно мы потом пойдем в Сан-Пьетро? И к руинам? И в капеллу с Мадонной, и к термам, и в Пантеон, и на Арену, и...

– Неужели вы настолько прилежно учились?

Девушка закусила губу. Энджел сел, сурово на нее посмотрел и спросил:

– Как можно не любить оперу?

– Но там все время так визжат и воют гнусными голосами, а...

– Гнусными?

– А я совсем не успела посмотреть Сан-Пьетро! Мы были только на площади, ну пожалуйста!

– Маргарет, вы канючите.

– Извините, – пробормотала девушка, опустив голову.

Она заметила, что его голос смягчился, и понадеялась, что все-таки избежит оперы. В прошлый раз Маргарет чуть не умерла за три часа непрерывной пытки адскими звуками. Энджел погладил воспитаницу по щеке и подцепил пальцем ее подбородок. Мисс Шеридан робко улыбнулась – сердитым наставник не выглядел.

– Впрочем, у меня накопились кое-какие дела в Иларе, и вы поедете в Авентин со мной на три-четыре дня. Вы же, в конце концов, настолько освоили алхимию, что пришлось вставлять стекла в лаборатории.

Маргарет густо покраснела.

– Лучше бы вы делали так почаще, а то после вас обычно такой порядок, словно вы вообще ничему не учитесь. Где взрывы, где разрушения, где явление дьявольских тварей? Ладно, идите в библиотеку за путеводителем Эрмина по святому городу, заодно возьмите в моей гостиной с камина три

книги и отнесите в секцию N, шкаф семнадцать, девятнадцатая полка.

Девушка перебралась через длинные ноги наставника и вышла из комнаты, но уже на пороге обернулась – Энджел схватил «Львов престола» и принялся жадно листать. Он бы ни за что не признался в таком постыдном падении, сколько бы раз Маргарет его за этим ни подавливала.

Библиотека вызывала у мисс Шеридан и благоговейный трепет, и горькие сожаления – даже если бы она поселилась среди стеллажей, ей бы за всю жизнь не удалось изучить и десятой доли всех этих сокровищ. Около каждого шкафа, уходящего под потолок, был подъемник с корзиной для книг, там и сям парили летающие лампы, а библиотечный каталог, если бы его напечатали, не смог бы сдвинуть с места даже цирковой силач.

Маргарет добралась до шкафа 17 в секции N и села в подъемник. Он доставил ее к полке 19, однако, расставляя на ней книги Энджела, девушка заметила какие-то странные вмятины на стене под самым потолком. Их загораживали книги на последней, двадцать второй, полке. Маргарет подогнала подъемник выше, рискованно высунулась из него, опираясь коленом на полку, и направила лампу к вмятинам.

Из-за томов выглядывало полустертое изображение: пара тигриных морд и дуга в виде ленты с надписью. Маргарет вылезла на полку (хотя Энджел страшно ругался, когда заставлял ее за этим), заклиниванием счистила пыль с надписи и прочла:

«Fortitudo mea est in ira mea» – «Моя сила в моей ярости». Тигры с оскаленными клыками будто предлагали усомнившемуся подойти поближе и проверить. Девушка осторожно вынула книги, чтобы открыть остаток рельефа, и поняла, что это был герб. Но нижняя его часть почти совсем стерлась, и Маргарет не смогла разобрать фамилию тех, кто выбил на своих щитах этот девиз.

Мисс Шеридан вернула все на место и сползла в подъемник. В библиотеке была секция с генеалогическими справочниками – девушка любила смотреть в них картинки и читать на латыни забавные истории о выдающихся представителях знатных родов. Но, к удивлению Маргарет, в секции не нашлось ни одного справочника по риадской знати или аристократии Дейрской империи. Может, Энджел их читает и унес к себе? Но тогда они должны отражаться в каталоге. Девушка вернулась к дверям, к конторке, на которой лежала большая пластина из обсидианового стекла, и приложила ладонь к прямоугольнику в серебристой рамке под ней. Пластина засветилась.

– Генеалогический справочник, – сказала Маргарет.

В обсидиане появился длинный список, и мисс Шеридан стала прокручивать его в поисках нужных томов, но их там не оказалось. Девушка присела на высокий табурет и недоуменно нахмурилась. В библиотеке хранились даже генеалогии мазандранской и халифатской знати, но почему не было дейрской и риадской? Мисс Шеридан несколько раз попро-

бовала переформулировать вопрос, но ничего не добилась. Она зарисовала по памяти тигриные морды, записала девиз и вспомнила наконец про путеводитель Эрмина.

– Энджел, – сказала Маргарет, вернувшись к себе; наставник отбросил «Львов престола», как горячую картошку, – а где в библиотеке генеалогии нашей знати?

– Зачем они вам? Ищете там благородных пращуров?

– Нет, откуда они у меня? Там красивые картинки и смешные истории.

– Вы только что очень сильно оскорбили всю континентальную знать, – усмехнулся Энджел. – Они-то думают, что это их великие гербы и подвиги легендарных предков.

– А все-таки где они? – с любопытством спросила девушка. – Ну, генеалогии нашей аристократии? Вы ее читаете?

– Нет. Наверное, делась куда-то, – равнодушно пожал плечами Энджел, из-под ресниц буравя воспитанницу пристальным взглядом.

«Врет», – подумала мисс Шеридан. Над библиотекой он трясся, как не всякий скряга – над сокровищами. Если бы какой-нибудь том «куда-то делся», Энджел убил бы виновного на месте. В первое время Маргарет дрожала всякий раз, когда брала в библиотеке книги.

– Ладно. – Девушка улеглась на плечо наставника и раскрыла путеводитель. – Что мы будем смотреть?

Энджел, обняв ее за талию, стал неторопливо листать книгу, но Маргарет все еще чувствовала, что он напряжен.

Странно. Зачем ему врать? Сказал бы сразу, что генеалогий нет... но почему нет? Может, потому и соврал, чтобы она не спрашивала. Мисс Шеридан усмехнулась про себя. Все равно, пока он днем будет занят своими делами, она успеет съездить в Папскую библиотеку, где хранятся записи обо всех знатных католических семьях и до сих пор ведется тщательный учет их семейных связей, чтобы, не дай бог, не допустить кровосмесительного брака. Удивительно, как кто-то до сих пор морочит себе голову: в Риате все титулы были отменены, и графы с баронами до недавнего времени являлись для Маргарет такими же вымышленными персонажами из книжек, как вампиры и ведьмы.

«Приедем в Авентин – и все разужнаю», – подумала девушка, сворачиваясь калачиком под боком Энджела.

6 сентября

В Бресвейн было сыро, с моря дул пронизывающий ветер. Бреннон поглубже нырнул в шарф и с тоской вспомнил ласковый блэкуитский сентябрь. Столица с первых же минут порадовала комиссара дождем, холодом и какой-то на редкость промозглой погодой. В порту, где он с Бройдом ждал прибытия фрегата «Кайзерштерн», было еще гаже. Про запах и говорить нечего. Натан окинул взглядом ряды кораблей. До отпуска комиссар оказывался на корабле всего два раза в жизни – по пути в Мазандран и обратно – и теперь

был твердо убежден, что нормальный человек добровольно в эту душегубку не полезет.

– Штормит, – заметил человек из ОРБ, который сопровождал их с момента прибытия на вокзал. Этого джентльмена звали Бакли; он представился переводчиком, и комиссар, хмыкнув, отметил, что в ОРБ даже переводчики носят под сюртуком двустороннюю кобуру.

Они стояли на возвышающейся над пирсом террасе, огороженной балюстрадой с облупившейся краской. Море, которое стелилось до горизонта, было серым и выглядело тяжелым, словно жидкий свинец; оно сливалось с мутным небом, по которому ветер гнал темные клочковатые тучи. Бройд поднес к глазам бинокль, высматривая «Кайзерштерн»; Натан обходился собственными глазами, только прикрыл их ладонью от резкого ветра.

– Там что-то ползет, – наконец заметил Бройд. Комиссар сосредоточился на мелком черном таракане, который бултыхался меж волн, тяжело поднимающихся и опадающих. Бакли заметно вздрогнул и тоже прильнул к биноклю.

– А что, так и должно быть? – осведомился Бреннон, понаблюдав несколько минут за беспорядочным мотылянием корабля.

– Нет, – процедил Бакли. – Но, видимо, у них неопытный капитан или... черт подери!

Корабль взмыл на гребень волны, и Бреннон задумчиво прищурился на серые, полошущиеся на ветру тряпки.

– Это что, паруса?

– Стойте здесь, – приказал Бакли, развернулся и заспешил вниз, к спуску на пирс, где их ждала карета.

– Зато они доберутся быстрее, – сказал шеф полиции, пытаясь то ли подбодрить комиссара, то ли убедить себя в том, что все в порядке. Фрегат из Доргерна покачался на гребне очередной волны и медленно завалился набок. Паруса исчезли в волнах, и корабль понесло к порту. Бреннон сглотнул. Шансов уцелеть внутри этой лоханки не было ни у кого.

– О господи! – вскрикнул Бройд. – Что с ними будет?!

– Ничего хорошего, – буркнул Натан. – Боюсь, ни доктора Ройзмана, ни секретаря министра, ни старшего инспектора мы больше не увидим.

Шеф полиции перегнулся через балюстраду.

– Смотрите! Бакли пытается спустить на воду шлюпку!

Конечно, переводчик занимался этим не лично – он наседа на нескольких человек в клеенчатых плащах и куртках, размахивал каким-то значком, тыкал пальцем в сторону моря. Толпа, мигом собравшаяся на пирсе, чтобы следить за приближением фрегата, издавала возбужденные и испуганные вопли. «Кайзерштерн» то появлялся, то скрывался за горбами волн, которые, как огромные лапы, тянули его все ближе к гавани. Бреннон постукивал кулаком по перилам. Он не знал, что тут можно сделать и чем помочь, но бездельничать не мог и наконец спустился на пирс, где нашел Бакли. Тот хмуро смотрел вслед только что отчалившему ялику.

– Думаете, доберутся? – спросил комиссар. Вид этого корыта не внушал никакой надежды.

– Им нужно будет только немного продержаться, – ответил Бакли. – Я отправил человека к начальнику порта, и сейчас на воду спустят еще несколько спасательных шлюпок.

– Но ведь волны в нашу сторону. – Бреннон глядел, как люди в ялике отчаянно борются с морем, пытаясь выбраться из порта. – Они будут плыть туда час, не меньше.

– Если вы умеете летать, – холодно заметил Бакли, – то можете отправиться к фрегату сами. О боже, – прошипел он, – надо же такому случиться именно сейчас!

«А то ж», – подумал комиссар. Иди докажи теперь, что кайзерские подданные погибли не по злому умыслу дикарей-революционеров.

Шлюпки наконец выбрались в открытое море, и их тут же швырнуло вниз, в щель между волнами. Фрегат же, наоборот, взмыл вверх, на самый гребень. Волна развернула его, бросила вперед, и корабль пронесся мимо порта, словно его волокло подводное чудовище, к маяку, возведенному на мысе. Спустя минуту маяк содрогнулся от удара: фрегат врезался в него с такой силой, что до Натана донесся треск дерева и скрежет камня.

Толпа на пирсе разразилась громкими криками; Бакли побледнел и с проклятиями бросился прочь. Комиссар помчался следом, но сбился с пути в незнакомом месте и, обогнув толпу по каким-то закоулкам, оказался на холме позади пир-

са. Там тоже толпились люди; Бреннон локтями проложил себе дорогу и наконец увидел фрегат. Кипящие волны били его о каменные стены маяка, разрывая на части и поглощая кусок за куском. Натан с упавшим сердцем всматривался в бурлящую воду, но нигде не видел ни одного человека. Значит, никто не уцелел...

Последним в волнах исчез кусок черного борта с серебристыми буквами «Ка. зер. тер.», и комиссар, сняв шляпу, опустил голову. Совсем не такого подарка судьбы он ждал, мечтая по дороге в Бресвейн, чтобы доргернцы куда-нибудь провалились вместе со своей чертовой посудинной.

Ночь на 8 сентября

Была уже полночь, когда поезд отъехал от последней перед Блэкуитом станции и устремился в лесную тьму, набирая ход. Натан пил чай и глядел в окно, Бройд шуршал газетой. В их небольшом купе второго класса больше никого не было.

«И то хорошо», – подумал комиссар: после того, что произошло, еще не хватало пустого трепа с попутчиками. В ОРБ Бакли допросил их обоих, а потом им велели проваливать и молчать в тряпочку. Бройд ухитрился просочиться на совещание, где какой-то капитан докладывал о состоянии «Кайзерштерн», – но ничего особенного оттуда не вынес. Они уже уезжали, а в порт все еще свозили остатки корабля: доски, куски обшивки, обломки мачт и немного чудом уцелевших

вещей. Ни из команды, ни из пассажиров никто не выжил.

– Вот так вот восемьдесят человек и долой, – тихо сказал комиссар.

– Молчите уж, – буркнул Бройд. – Нас еще потягают на разбирательства, вот увидите, – когда соберут все обломки и начнут вылавливать трупы.

– Почему?

– Почему-почему, – проворчал шеф, неприязненно глядя на кроссворд, – потому что доргернцы сами изъявили желание посетить именно Блэкуит, вот почему. Пока вы не признаетесь в тайном романе с кайзерской разведкой, или оппозицией, или чертом в ступе...

– Да бросьте, сэр, – не очень уверенно возразил Бреннон: в политике он мало смыслил. – Ну какая разведка? Может, этот Штрауб или там Эйслер попросту пальцем в карту ткнули. Наугад – мол, везите нас туда.

– Секретарь министра. – Бройд заскрипел карандашом по клеточкам. – Старший инспектор столичной полиции! Вы только вдумайтесь. Им надо кого-то назначить виновным.

– Погода же, сэр. Шторм. Или капитан неопытный.

– Доргерн не одобрит идею насчет вины кайзерского капитана, который управлял кайзерским фрегатом, везя бесценных кайзерских подданных. Вы знаете мазандранскую богиню плодородия из двенадцати букв?

– Лично – нет.

– Тогда не мешайте.

Мысли Натана утекли к другой знакомой ему богине; Бройд сопел над кроссвордом, стараясь отвлечься от дурных мыслей. Смогла бы Валентина унять шторм? А спасти этих несчастных? Может, ей бы удалось... что именно – Бреннон не знал, но, как знать, будь у столичной полиции дружелюбно настроенная вивене¹ – вероятно, не пришлось бы копать в Доргерне восемьдесят пустых могил.

Чай кончился; поезд мерно качало; Бреннон думал о Валентине (с нежностью) и о полезности кое-какой магии (с осторожностью). Главное не увлечься – ни тем, ни другим. А то еще рехнешься, как чертов пироман.

За четыре недели отпуска комиссар успел многое, в том числе съездить в Фаренцу – иларский город, почти весь состоящий из каналов. Земной тверди там было немного, а ту, что имелась, покрывала склизкая зеленая пленка из сгнивших водорослей, что неудивительно при такой влажности. У берегов Фаренцы лежало множество более или менее мелких островков, до которых жители добирались на лодках.

Однако Натан не нашел ни одного человека, который взялся бы отвезти его к Лиганте. Лодочники крестились, бормотали молитвы, иногда сразу шарахались. Бреннон не знал иларского, поэтому пользовался услугами гидов-переводчиков, которые кишели около каждой гостиницы, как

¹ Вивене (они же агуане, они же брегостене или пантегане) – фольклорные персонажи из местных легенд сел и деревень в предгорьях Альп. Это духи жизни, которые оберегают реки, леса, луга и поля.

блохи. Один из них на смеси имперского, риадского и языка жестов растолковал Натану, что на Чумной остров никто не ездит:

«La peste!² Умирать много, всех жечь там! Много-много тысяч, костер до неба, ух! И живых, и мертвых. Плохой остров! Дурной воздух, злой воздух! Никто не плыть туда. Никогда совсем!»

С помощью этого человека Натан сумел провести кое-какие изыскания в городском архиве. Зимой 1630/31 года Фаренцу охватила мощная вспышка чумы. Городские власти, объединившись с церковью, вывозили всех заболевших на Лиганту – один из самых отдаленных островков залива Фаренциани. Там тела несчастных сжигали. По скромным подсчетам, на острове сожгли не меньше десяти тысяч человек.

Осчастливив гида весомыми чаевыми, Бреннон вернулся в Риад в тяжелом раздумье. Если пироман не врал, то выходило, что он прожил не меньше двухсот тридцати трех лет – и еще сколько-то обычной жизнью до того, как... как его облучило магией портала (прости Господи!) и... и...

«Значит, он не родственник Лонгсдейлу, – думал комиссар, чувствуя, как внутри отчаянно вопиет здравый смысл, – он его предок! Или один из. Значит, двести тридцать лет он изучает таких тварей, создает всякие заклятия, связался с этими консультантами, пытается победить...»

Дальше мысль Бреннона заходила в тупик. Да как Редфер-

² Чума! (илар.)

ну вообще такое в голову-то пришло?! Как один человек может даже думать о том, чтобы победить всех этих существ...

Какими еще свойствами, черт побери, его наделил этот портал?! Ведь Маргарет, Пегги – она по-прежнему рядом с ним, каждый день, и кто знает, что он делает с ней! Может, пьет ее кровь, как вампир! Хотя, получая неведомым образом короткие письма от племянницы, Натан тщетно пытался вычитать между строк, что она несчастна и хочет домой. Увидев как-то поутру на тумбочке первое письмо, комиссар как безумный ринулся к Лонгсдейлу, а консультант уж чего только не делал с бумажкой – но уловить след так и не смог...

Бреннон горько вздохнул. Пегги писала, что здорова, много учится (чему?!), изучает иларский, ездит верхом, у нее все в порядке, привет маме, папе и братьям. Она написала уже шесть таких писем, но ни в одном из них даже не упомянула имя этого подонка! Чертов козел уволок к себе невинную девочку и даже не потрудился хотя бы пару слов извинений приписать к ее письмам!

На крышу купе что-то с шумом свалилось; Натан дернулся и очнулся от раздумий.

– Это что? – резко спросил он. Бройд рассеянно взглянул на него поверх пенсне.

– Где?

– На крышу вагона что-то упало.

– Ветка дерева, – отмахнулся шеф.

– Это что-то тяжелое.

– На такой скорости? Не смешите меня, Бреннон. Ложитесь спать, мы приезжаем в половине шестого утра. Хотя выспитесь.

– А вы?

– У меня в поездах бессонница. Миссис Бройд всегда сует в мою сумку какой-то бальзам для успокоения нервов. Мне ни разу не помог. Хотите?

Поезд мчался сквозь ночь так стремительно, что Бреннон уже хотел было согласиться на бальзам – в самом деле, кто удержится на крыше вагона на такой скорости, – как вдруг состав вылетел на длинную прогалину среди леса. В яркую лунную ночь тень поезда отчетливо легла на траву, и комиссар заметил несколько других, тонких и гибких теней, скользящих по крыше.

– Вы видели? – Натан встал и подхватил наплечную кобуру с револьверами. Бройд терпеливо вздохнул, отгородился газетой и пробормотал:

– Ну сходите погуляйте, только не палите во все, что шевелится.

Бреннон приник к окну, но поезд снова нырнул в лес, и комиссар ничего не разглядел. Он надел кобуру, вытащил один револьвер и вышел из купе.

В длинном узком коридоре никого не было: немногочисленные пассажиры давно легли спать. Свет мелькал только в купе проводника. Под окнами коридора тянулся поручень, и Натан, держась за него, пошел туда же, куда двигались те-

ни на крыше. Их было три или четыре, и вряд ли это люди. Бреннон проверил, легко ли выходит из ножен подаренный Лонгсдейлом акрам, который комиссар теперь носил на ремне сзади.

Натан уже добрался до конца вагона, когда в окне наконец снова мелькнула тень. Он замер, прижавшись к стенке между дверями двух купе. Что-то ударилось о вагон, и сразу же за тем Натан разобрал сквозь стук колес натужный скрежет металла. По вагону протянуло сквозняком.

«Дверь, – осознал Бреннон и похолодел без всякого сквозняка. – Они оторвали дверь!»

Словно в ответ, снаружи что-то загрохотало по насыпи. В вагон плеснуло лунным светом, стуком колес, свистом и ветром. Скрипнула дверь в купе проводника – Натан оглянулся, увидел его щекастую физиономию и медленно вылетающие на лоб глаза. Комиссар круто повернулся и выстрелил в длинную тонкую, гибкую тварь. Пуля отбросила ее назад, к вырванной с корнем двери – и тут раздался звон битого стекла, а проводник завизжал, как поросенок. Бреннон только и успел заметить, как изящные белые руки обвились вокруг груди проводника, чья-то темноволосая голова уткнулась ему в плечо, на серую униформу брызнула кровь – а потом тварь подняла голову, сверкнула на комиссара алыми глазами и прыгнула в окно вместе с несчастным, который верещал не переставая.

– Черт подери! – зарычал Натан и ринулся к окну.

Захлопали двери, из остальных купе стали высовываться пассажиры.

– Какого черта происходит?! – крикнул Бройд, тоже высунувшись, точно сова из дупла.

– Полиция! – громко объявил Бреннон. – Всем сохранять спокойствие и вернуться на свои места! Закройте двери купе и заблокируйте их изнутри!

– Что тут творится, ради бога?! – пронзительно завопила какая-то тощая матрона.

– Задержание преступника, – невозмутимо проронил шеф полиции и захлопнул дверь в купе. – Будьте добры, мэм, занять свое место.

Предоставив начальству очаровывать публику, Бреннон вернулся в конец вагона. Дверь была вырвана с корнем, и комиссар чуть не вылетел навстречу деревьям, когда поезд резко накренился. На зеленой краске вокруг дверного проема тянулись длинные глубокие царапины от когтей. Ухватившись за поручень, Натан быстро высунулся наружу, взглянул вверх и мигом нырнул обратно. Прижался спиной к стене и смахнул пот.

На крыше несколько темных изящных существ разрывали на куски тело бедолаги проводника.

«А если этим тварям хватит ума отсоединить вагон от состава?»

Натан отступил назад в коридор. Он был пуст, и только Бройд караулил второй вход в вагон.

– Что там? – спросил шеф.

– Вампировидные, сэр.

– Кто?

– Нежить.

– Так, – помолчав, изрек шеф. – Чем она сейчас занята?

– Они. Кушают проводника. Я видел троих или четверых.

Что будем делать, сэр?

Бройд задумался. Натан видел два выхода – увести пассажиров в другие вагоны, а потом вернуться и убить нежить либо сразу дать бой паскудам. Вопрос заключался только в том, как их прикончить, имея под рукой всего один заговоренный кинжал?

– Сэр, если позволите...

В тамбуре мелькнула узкая тень; поезд вылетел из леса на равнину, вагон залило лунным светом, и в серебряную полосу ступила высокая стройная женщина с белой кожей, фиалково-винными огромными глазами и гривой смоляных волос. На ней не было ни единой нитки, однако Натан не испытал ни восторга, ни смущения. Он и Бройд заняли позицию спина к спине; шеф полиции шелкнул курком револьвера.

– Давай потанцуем, красавец, – мелодично предложила нежить. На руках и ногах у нее были длинные цепкие когти вроде тех, что Лонгсдейл нашел в театре. Но Блэкуит же чертовски далеко!

– А если огнем, Натан? – шепнул Бройд.

– Пойдет.

Вампирша грациозно приближалась, игриво царапая двери купе. Комиссар сунул револьвер за пояс; шеф протянул Натану флягу с виски и зажженную сигару.

– Выпьем за знакомство? – поинтересовался Бреннон.

Вампирша остановилась и чарующе улыбнулась. Натан скрутил пробку, плеснул ей в лицо виски и метко швырнул сигару. Огонь мигом охватил всю вампирью рожу, запылил волосы и перекинулся на грудь и плечи. Кровососущая дрянь с диким воплем шарахнулась, ударилась о стену и метнулась в тамбур, из него – на крышу, но и там огонь продолжал пылать, озаряя ночь и лес. Из-за двери соседнего купе раздалась громкая истеричная молитва.

– «Отче наш» помните? – поразмыслив, спросил Бройд.

– Нет. В этом отношении полагаюсь на вас.

– Мы должны вывести людей. Вдруг твари наверху сообщат отцепить вагоны?

– Опасно. Чертовы гадины любят бросаться сверху на головы.

– Проклятие! – взревел Бройд и дважды выстрелил из револьвера. Натан оглянулся – две вампириши уже поднимались с пола.

– Потанцуем! – нараспев протянули они. – Мы будем танцевать всю ночь!

Из тамбура донесся мягкий звук прыжка, и Бреннон повернулся на звук. Две другие дамы (одна уже совсем не такая красивая, как раньше, лишилась глаз и тыкалась в коридор

на ощупь) подступали к нему. Вторая особь сладко облизывала пухлые губы. Бройд еще дважды выстрелил; вампирши насмешливо зашипели.

– Там еще пятая! В окне! – крикнул шеф и пальнул в нее.

– Мы заберем вас с собой, – мурлыкнула та, что приближалась к Бреннону. – Мы потанцуем под... – Она неожиданно замолкла, остановилась и недоуменно принялась. Ее длинные острые уши повернулись почти кругом. Натан уже вытянул из ножен акрам, как вдруг обе вампирши перед ним полыхнули, аки факелы. Три другие сзади с визгом бросились наутек.

– Воды, черт побери! – Бройд дернулся было к костру, и Бреннон едва удержал начальство за руку. Пламя опало, оставив горстку пепла, почерневших костей и широкую обугленную полосу на стенах, потолке и полу. А Натан с непередаваемым облегчением увидел ведьму, которая стояла в тамбуре. Позади нее хлопали двери, ведущие к сцеплению с соседним вагоном.

– Хвала Праматери! – заявила она. – Ну наконец-то!

* * *

– Откуда ты здесь? – отрывисто спросил Бреннон, опоясываясь кобурой с револьверами, которую дала ему ведьма.

– Мистер Лонгсдейл отправил меня за вами. Идиот в кассе продал мне билет не в тот вагон. Почему вы так быстро

уехали? – нахмурилась Джейн. Она по-прежнему была в иллюзорном облике дворецкого и неплохо изображала из себя мужчину.

– Экссесс в порту, – процедил комиссар, взводя курки. – Делегация затонула, не успев добраться до...

– Цыц, – покачал головой Бройд, выщелкнул барабан и проверил патроны. – Оно действительно против этих тварей?

– Заряжено архангелами, так что...

– Чем?! – взвыл шеф.

– Архангелами, – недоуменно повторила Джен. – Это класс патронов, предназначенный для охоты на нежить.

– О господи, – пробормотал Бройд. – Я уж подумал, перья из крыльев нащипали...

Ведьма фыркнула. Натан задумчиво поглядел на купе. В сущности, для вампиров все они – коробочки с десертом. Но куда можно вывести людей в поезде, чтобы нежить до них не добралась и чтобы все были на виду?

– Что это за существа?

– Бааван ши. Род вампировидных. Предпочитают пить кровь мужчин, хотя... – Джен склонила голову набок, прислушавшись к дикому женскому визгу в одном из купе. – Иногда и тетками не брезгают.

Бройд дернул дверь с такой силой, что внутри захрустел стопор. Ведьма коснулась ее пальцем, и спустя секунду от нее остались одни головешки. В купе Натан узрел вампиршу, которая тянула через выбитое окно какого-то мужчи-

ну, длинного и нескладного. Несчастный чуть слышно сипел, упираясь всеми конечностями в стенку и столик, а его спутница визжала, не переводя дыхания, и лупила сумочкой нежить (а заодно и ее добычу). Шеф полиции оцепенел от этого зрелища, и комиссар рывкнул со всей доступной мощью:

– А ну брысь!

Бройд шарахнулся, бааван ши замерла и уставилась на Бреннона, женщина отшатнулась, и Натан выстрелил нежити в голову. Пуля угодила твари точно в лоб и разнесла башку в осколки. Несостоявшийся ужин вампирши рухнул без чувств на столик, сломал его и распростерся у ног победителей.

– Боже мой! – пролепетала женщина и сползла по стенке на сиденье.

Бройд нетвердой рукой ослабил галстук и прошептал:

– И ведь так каждую ночь!

– Ну, не совсем каждую, – заметила Джен. – Через раз. Сэр, эта пададь не подойдет к вам, пока я рядом, но они наверняка попытаются выманить вас из вагона, подальше от меня.

– Отлично, – процедил Натан. – Я с радостью выманюсь. Сколько их еще?

– Две, – подумав, доложила ведьма.

– Это они прятались в театре? – Спohватившись, комиссар с подозрением спросил: – А зачем Лонгсдейл отправил тебя

за мной?

Джен помолчала, глядя на него так, словно прикидывала, вынесет ли он ужасную правду, и тут Бройд прорычал:

– Они отцепляют состав! – и выстрелил в сторону тамбура. Натан метнулся туда: пара серых теней порскнула на крышу, не успев закончить начатое. Однако вагон стало заметно сильнее мотать из стороны в сторону.

– Куда?! – зашипела ведьма, вцепившись в комиссара. – Закогтят и сожрут!

– Отравятся, – отрезал Бреннон. Он двинулся к тамбуру, держась дверей купе и следя краем глаза за окнами. Поезд мчался сквозь ночь, и если бы бааван ши уволокли комиссара на крышу, то у него все равно почти не осталось бы шансов уцелеть. Однако почему эти твари крутятся именно тут, когда к их услугам полный поезд добычи?

– Слушай, – тихо сказал Натан ведьме, крадущейся за ним след в след; за ней маячил Бройд, – у меня мысль...

– Всех убить? – радостно встрепенулась Джен.

– Почти...

В дыру от двери приветливо светила луна и свистел ветер. Поезд вырвался из густых лесов на изумрудную равнину, и теперь тени бааван ши отчетливо виднелись на фоне травы. Натан стоял около тамбура. Это было самое опасное место – любая из двух гадин вмиг могла бы прыгнуть с крыши внутрь.

«Но зачем? – снова подумал комиссар. – Весь поезд в их

распоряжении, почему они торчат тут?»

– Вперед, – тихо сказал Бroyд. Натан прыгнул в тамбур, и шеф тут же открыл огонь. Пули унеслись в дыру, а комиссар с быстро бьющимся сердцем прижался спиной к стене в узком коридорчике в пару футов, который отделял его от хлопающих дверей. За ними было что-то вроде площадки из металлической решетки. Одна из вампирш уютно свернулась клубочком прямо на сцеплении и во все горло распевала песенку. Натан сглотнул (нежить все-таки! вдруг прыгнет раньше, чем он выстрелит?) и бочком-бочком приблизился к дверям.

– Эй!

Бааван ши замолчала и с дружелюбным любопытством уставилась на него огромными глазами винного цвета. За сцепление она держалась буквально волосами – черные кудри крепко оплелись вокруг механизма.

– Иди к нам! – мелодично позвала она, протягивая руки к Бреннону. – Мы будем танцевать с тобой во время луны!

– Вторая где? – мрачно буркнул комиссар. Над головой что-то мелькнуло: еще одна вампирша перепрыгнула с крыши одного вагона на крышу другого. Она стояла в полный рост, слегка покачиваясь в такт движению поезда.

– Иди с нами, – позвала она. – Мы отведем тебя в гости!

– О, иди же ко мне! – замурлыкала первая, внизу. – Иди со мной! Танцуй со мной!

Ее глаза замерцали, как аметисты, и Натан почувствовал,

что его затягивает в бездонную винно-фиалковую глубину.

– Иди с нами, – глубоким грудным голосом позвала вторая. – И мы больше никого не уведем танцевать.

– Хотим тебя! – выдохнула вампирша внизу, и комиссар обнаружил, что ноги как-то сами по себе вынесли его вплотную к решетчатой оградке. – Иди с нами!

Их голоса стали еще более чарующими, и Бреннон уже слышал их прямо в голове, да так громко, что они заглушали стук колес. Даже бьющий в лицо ветер не отрезвлял.

– Почему я? – крикнул комиссар. Бааван ши захихикали в унисон.

– Нам нужен ты! – певуче заявили они. – Это хорошо, это не больно, смотри, мы полетим прямо к луне! Иди к нам! Танцуй с нами!

– Ага, – буркнул Натан. – Вот прямо сейчас и начну, – и упал на колено, едва не свалившись с площадки под колеса.

– Ку-ку, – зловеще сказала Джен. Нежить полыхнула двумя костерками. Правда, одна вампирша успела метнуться вперед по крыше вагона, прежде чем рассыпалась на угольки, и Бреннон подумал, что правильно поступил, не став стрелять. Пока бы он в одну шмальнул, вторая уже бы укусила...

Горячие руки ведьмы втащили его в вагон. Джен захлопнула двери, а Бройд сурово набросился на подчиненного:

– Почему вы, вашу мать, не носите защитный медальон, который вам добыл Лонгсдейл?! Весь ваш отдел носит, а вы

особенный? А ну как прыгнули бы к этой паразитке – и поминай как звали!

Бреннон отер холодную испарину со лба. Ноги все еще дрожали.

– Ладно, – хрипловато сказал он, – что там с театром и зачем Лонгсдейл тебя за мной послал?

– Да ничего, – беспечно отозвалась Джен. – Вампириши заели какого-то актеришку прямо накануне премьеры, где он должен был исполнять главную роль.

Комиссар поперхнулся.

– Да и хрен с ним, не в нем проблема, – фыркнула ведьма. – Нежить крутилась около вашего дома и выследила вас в день отъезда до самого перрона.

8 сентября

Маргарет тихонько чихнула в платочек и шмыгнула носом. В Папской библиотеке хранилась мудрость веков, запечатленная в слове, – и обильные залежи пыли. Библиотекарь в серой рясе практически полностью сливался с обстановкой. Маргарет с тоской подумала о ванне и перелистнула страницу. Благо изобретательность Энджела коснулась не только борьбы с нежитью, но и систем водоснабжения во всех его домах.

Девушка задумчиво посмотрела на герб. В общем-то, ее жертвы были не напрасны. Главное – точно знать, что

ищешь, дабы не сгинуть навеки в секциях Папской библиотеки, посвященных истории католической аристократии. Среди сотен томов, выписок из томов, документов, копий документов, свитков, грамот, генеалогий и запутанных родовых древ Маргарет выкопала книгу некоего Адриана Ривийского с названием длиной в локоть.

Изданный в 1484 году, этот монументальный труд (дотащить до стола удалось лишь телекинезом) содержал раскрашенные гравюры с гербами и пространные описания всей рядской аристократии. Включая семьи, чьи претензии на благородство автор находил крайне сомнительными. Именно такой кислый комментарий он поместил под красно-бело-серебристым гербом с парой вставших на дыбы тигров.

«Предок их, – с трудом разбирала Маргарет латынь пятнадцатого века, – отличался крайнею свирепостью и единственно силой и злобой добыл... э-э-э... подвиги... в смысле, кровавые зверства... захватил замок Фарна, истребил всех его обитателей и... и... превратил в сущее разбойничество... гнездо?»

– Гм. – Девушка взглянула на герб. На белом щите, напоминающем спинку стула, стояли два алых тигра, а между ними острием вверх был изображен серебристый меч. По нему вилась белая лента с красной надписью «Fortitudo mea est in ira mea».

«Моя сила в моей ярости, – подумала мисс Шеридан. – Неудивительно, с таким-то предком. Что там еще? Непра-

ведно нажитые богатства, распутство, неукротимый буйный нрав... н-да».

Адриан Ривийский не одобрял Редфернов, а если верить сплетням, которые он заботливо увековечил, от них стонала вся округа. Что, впрочем, ничуть не мешало им богатеть и процветать год от года. Но куда же они все подевались? Неужели вымерли? Нехитрый подсчет указывал, что Энджел родился в 1588 году – может, ее наставник был единственным и последним сыном в роду? Но неужели он не женился и не оставил потомков?

Маргарет скопировала с помощью заклинания все, что нашла в книге про Редфернов, закрыла ее и подошла к полкам с родословиями. Конечно, она могла бы спросить самого Энджела – но... при одной мысли о том, чтобы задать ему вопрос о семье, у девушки отнимался язык. Энджел никогда не упоминал свою, и Маргарет было совершенно ясно, что говорить об этом он не хочет. Вытаскивая с полки свиток с гербом Редфернов, мисс Шеридан даже ощутила укол стыда за то, что совершает вот так тайком, за спиной учителя... У него же наверняка есть причины для молчания!

Маргарет вернулась к столу, развернула свиток и протяжно присвистнула. Она явно погорячилась насчет вымирания. Пышный куст несколько уменьшался к началу восемнадцатого века, но в остальном... Маргарет нашла «свиного и буйного нравом» прародителя и хмыкнула. В смысле древности рода Энджел мог презрительно смотреть на целый та-

бун дейрской и иларской знати – его-то предок чинил бесчинства аж в одиннадцатом веке! По родовому древу скользнула тень, и девушка раздраженно передвинула его вбок. Перебравшись к шестнадцатому столетию, Маргарет долго искала нужное имя и наконец с трепетом обнаружила: «Энджел, род. 1588, ум. 1630/31?»

«Значит, это случилось с ним тогда», – подумала мисс Шеридан: портал, магия и... и... то, что было до этого. Она съежилась, вспомнив о том, что случайно увидела в памяти Энджела. Но кто и почему так его мучил?

Ее взгляд поднялся выше, с изумлением минуя целый сонм сестер и братьев, к имени отца: «Джоэль Редферн, род. 1546, ум. 1618». Ничего себе! Шесть раз женат, уйма детей... но где же мама Энджела? Маргарет нашла и вздрогнула: судя по дате, мать родила Энджела в шестнадцать лет, а умерла спустя всего четыре года после этого. Ее звали Терезой Хендерсон.

«Может, поэтому... но ведь у него остался отец и столько братьев и сестер! Так, а где же конец?»

Конец оказался неожиданным: родовое древо обрывалось в конце восемнадцатого века. Ни дат смерти, ни причин, по которым Редферны как будто перестали жениться, рожать детей и умирать. Словно все они вдруг исчезли. Самой поздней датой в свитке был 1789 год – когда родился последний ребенок из рода Редфернов.

Маргарет удивленно смотрела на родовое древо. По нему

снова метулась тень, девушка раздраженно вскинула взгляд, чтобы высказать любителю подсматривать через чужое плечо... и уставилась прямо в глаза какой-то вампирической твари. Тварь, свешиваясь с вершины шкафа, с интересом выпила вишневые глазищи на Маргарет.

Секунду или две обе девушки (вампириша была совершенно голая!) замороженно смотрели друг на друга, пока нежить не моргнула. Случись такая встреча прежде, до знакомства с Редферном, Маргарет, дико визжа, удирала бы куда глаза глядят. Но после полугода под присмотром Энджела она процедила «*motus!*», вытащила из замаскированной под ридикюль кобуры револьвер и взвела курок, пока нежить, с грохотом впечатавшись в шкаф, выползала из-под книг. И только потом девушке стало страшно.

Вампириша раззявила пасть и зашипела, оскалив длинные белые клыки. Черные волосы облаком поднялись вокруг ее головы и зашевелились, как змеи. Тем не менее гадина почему-то не бросилась, хотя могла, и стремительным прыжком вознеслась на верхушку другого шкафа. На стенках и полках остались длинные белесые полосы от когтей.

Маргарет попятилась по проходу, чтобы выбраться к двери. У конторки лежал библиотекарь: его ряса была испятнана красными полосами, а на бледной шее темнели глубокие раны от вампирьих клыков.

«О боже!» – Секунды, что Маргарет потратила на взгляд в сторону бедолаги, вампирише хватило бы, чтобы бросить-

ся и оторвать ей голову; но нежить почему-то оставалась на месте, только скалилась и шипела. Мисс Шеридан боковым зрением заметила еще одну тень слева, но эта тоже не нападала.

– Motus, – шепнула девушка; листы с копиями влетели ей в руку. Нежить на миг отвлеклась, и Маргарет выстрелила ей в голову. Пуля угодила ниже, в грудь, и чуть левее. Завизжавшую вампиршу сбросило со шкафа, но Маргарет заметила большую выжженную дыру в ее плоти. «Мур» был заряжен пулями класса «Архангел», и девушка впервые видела их действие собственными глазами. Ее затошнило. Тем временем напарница первой твари с диким рыком ринулась вперед.

– In ignis! – вызывая огонь, крикнула Маргарет, пренебрегая сохранностью папской мудрости.

Нежить обьяло золотисто-алое пламя. Она шарахнулась, ударилась о шкаф, и книги тут же весело запылали. Огонь пожирал волосы, лицо и руки твари, которая с воем бросилась наутек. Но тут в проходе возникла первая вампирша. Всю левую половину ее груди занимала выжженная дыра. Волосы нежити обвились вокруг книг и обрушили их на Маргарет. Мисс Шеридан бросилась за конторку библиотекаря и зашептала поисковое заклятие. Нельзя выпускать отсюда раненую нежить! Она же задерет полдюжины человек только от ярости и боли!

По конторке загрохотали тома; на лестнице раздался запо-

лошный топот и крики – наконец-то очнулась папская охрана. Вампириша испустила свирепый визг, но бросилась не на добычу, а от нее. Маргарет в полном ошеломлении едва не упустила нежить из виду, но вовремя очнулась, уперла локоть в конторку и выстрелила гадине в затылок. Голова вампириши взорвалась, точно помидор, и брызнула во все стороны обугленными лохмотьями плоти. Тело рухнуло и тут же начало истлевать.

Закрытие поиска наконец поймало след второй вампириши. Мисс Шеридан сорвалась с места и юркнула в лабиринт шкафов и стеллажей, очень вовремя скрывшись из глаз охраны.

Вампириша мчалась прочь от входа, там и сям поджигая книги, и девушка все никак не могла понять, отчего нежить ведет себя так странно. Вампировидные относились к примитивному классу, и по нежизни их вел в основном пустой желудок. Так зачем нежити убегать от охранников, которые для нее и пища, и лекарство?!

Маргарет настигла беглянку около окон – высоких, стрельчатых, отделанных золотистыми витражными узорами. Несмотря на то что сквозь стекла лился яркий солнечный свет, кровососущая гадина бросилась именно туда – и выпрыгнула на улицу в дожде осколков. Мисс Шеридан, не выходя из глубокого изумления, подскочила к окну и выстрелила. Пуля догнала вампиришу в полете к соседней крыше, и солнце почти мгновенно испепелило останки. Но ведь

именно это оно должно было сделать с еще, гм, живой вампиршей!

Мисс Шеридан убрала «Мур» в кобуру и поспешила прочь, к виднеющейся в углу двери. Девушка не знала, куда она ведет, но сейчас главное – обратиться из библиотеки, вернуться домой и рассказать обо всем Энджелу.

* * *

Энджел работал у себя в кабинете. Маргарет решила его не беспокоить, тем более что ей все сильнее хотелось нырнуть наконец в ванну. Она так и поступила, оставив наставнику записку на столике у двери. В каждом из его особняков у нее была своя комната, с отдельной ванной; впрочем, мисс Шеридан не знала, сколько у ее наставника домов на самом деле.

Свое несметное богатство (превышающее годовой бюджет некоторых стран, как однажды с чувством собственного превосходства обронил Редферн) он создал сам и неустанно трудился над его увеличением. Львиную долю его времени пожирали «дела», о которых девушка знала лишь то, что они связаны с уймой документов и денежных расчетов. В это она никогда не стремилась вникнуть, поскольку с трудом понимала даже то, что порой рассказывал ей отец, а уж там-то все было куда как проще.

Однако Маргарет точно знала, что для содержания одного

лишь огромного замка в Риате нужно больше средств, чем папа способен заработать в год. А если учесть, сколько всего Энджел готовил для будущей организации охотников за нежитью и нечистью, да еще обеспечение всем необходимым консультантов...

«Лучше не задумываться», – решила Маргарет. Сейчас они жили в предместьях Авентина, в красивой белой вилле, окруженной большим садом, – это был личный дом Эндже-ла, с лабораторией и библиотекой, но не предназначенный для охотников, в отличие от замка.

Девушка сунула копии с книги в ящик бюро и устреми-лась в ванную. Там, пока наполнялась горячей водой оваль-ная ниша, она сбросила одежду, заколола волосы, налила в ванну жидкого мыла и нырнула в пену.

«Почему никто у нас не хочет сделать себе приличный во-допровод?»

В устройстве отопления, водоснабжения и канализации Маргарет разобралась с удовольствием, тем более что Эн-джел, охваченный просветительским энтузиазмом, показал ей все инженерные соединения и расчеты. Никакого муче-ния с ведрами и ночными горшками, а за душевую лейку Маргарет готова была продать своему наставнику душу.

В три маленьких круглых окошка под потолком лился сол-нечный свет, и мисс Шеридан снова задумалась над тем, что вампировидные девицы по загадочной причине, вместо того чтоб тут же испепелиться на солнце, свободно бегают днем

туда-сюда. А ведь вампиркам ничего не стоило ее убить! Девушка съежилась и сползла поглубже в воду, словно хотела спрятаться от запоздалого страха – она жива лишь потому, что, выследив ее, нежить просто сидела рядом и не нападала, даже тогда, когда Маргарет стреляла по ним из револьвера. Это слишком сильно расходилось с тем, что она читала в «Классификации» и наблюдала на практикумах под приглядом Энджела.

Мисс Шеридан отнесла бы этих вампировидных к бааван ши, однако им положено охотиться ночью, а днем спать. Девушка нахмурилась. Она вообще бы не сказала, что вампиры на нее охотились. Скорее, выследили и наблюдали. Но зачем?! Диссертацию собирались писать по поведению человека в естественной среде? Маргарет фыркнула. Единственным достоинством вампировидных был слабо развитый мозг, способный к размышлениям лишь в пределах «найти еду – сожрать еду».

В дверь постучали.

– Маргарет, вы там? – встревоженно спросил Энджел; девушка нырнула в пену по самый подбородок. – Вы в порядке?

– Да!

– Они вас не укусили? Есть царапины? Кровоточащие ссадины?

– Нет, ни одной. Они ко мне вообще не приближались. Странно; я думаю, это бааван ши. Они же вроде бы живут, чтобы есть?

Энджел молчал так долго, что девушка уже решила, будто он ушел, и потянулась за полотенцем.

– Я могу войти?

– Нет! – взвизгнула Маргарет. – Не вздумайте!

– Почему? – требовательно спросил он. – Что вы там делаете?

– Потому что я тут принимаю ванну!

– А, – после паузы отозвался наставник. – Ладно. Я жду вас внизу, в столовой. С вами точно все в порядке? Голова кружится, суставы ломит, тошнота?

– Нет.

Энджел побарабанил пальцами по двери, неохотно пробурчал: «Ну ладно», и мисс Шеридан наконец услышала за дверью легкие удаляющиеся шаги.

Через полчаса Маргарет спускалась по лестнице, которая закручивалась широким винтом в почти полностью остекленном «фонаре». В окна был виден пышный сад, уже окутанный предсумеречной дымкой; апельсины светились в упругой зеленой листве, как солнышки. Девушка вздохнула. С каждым приездом она все больше понимала, отчего Энджел так любит Илару. Маргарет постояла на круглой лестничной площадке, полюбовалась садом и вдруг ощутила чей-то пристальный взгляд, словно вдоль хребта провели мокрым пером. Вздрогнув всем телом, она выдохнула демаскирующее заклятие – но посторонних не обнаружила. В саду на миг проступили силуэты, но это были обычные домашние

духи. Никого скрытого или угрожающего. Маргарет опустила руку на кобуру с «Муром», отвернулась и пошла вниз.

В столовой Энджел уже ждал ее, держа наготове альбом и карандаши.

– Нарисуйте их, – велел наставник. – Расскажите мне все по порядку. Что с вами? – спросил он, пристально всмотревшись в лицо девушки. Маргарет покачала головой, взяла альбом и быстро набросала рисунок, попутно рассказывая о встрече с бааван ши.

– Вы были нерасторопны, – сухо прокомментировал Энджел. – То, что вы целы и невредимы, – отнюдь не ваша заслуга.

– Я знаю, знаю, – вздохнула мисс Шеридан и повернула к нему лист с портретом. Взгляд Редферна скользнул по изображению и остановился на штрихованной надписи «За нами следят». Наставник помолчал, потом медленно опустил веки и положил руку на плечо Маргарет.

– Ну хотя бы рисуете вы недурно. – Он притянул девушку ближе. – Это действительно бааван ши, а охотились они не на вас, потому что предпочитают пить кровь мужчин.

– А бегать в полдень они теперь тоже могут?

– Вот это мы и выясним, – чуть слышно пробормотал наставник.

– Что мы будем делать? – прошептала Маргарет.

– Сядем ужинать. Держитесь рядом. В библиотеке был сумрак, – громко сказал он. – Вот в нем они и прятались. Но

о вашей бестолковости мы поговорим позже. Еда стынет, садитесь.

Маргарет опустилась на стул и отложила альбом. Энджел налил в тарелки суп и потребовал передать газету. На первой странице девушка мельком отметила что-то знакомое, но ей было не до изучения передовиц. Она взяла ложку и погрузила в суп, чувствуя себя так, словно сидела на иголках. Редферн развернул газету, отгородился от окна и положил свободную руку на ладонь Маргарет. Они переплели пальцы.

– Сосредоточьтесь, – шепнул Энджел. – Ловите след, когда я начну.

Девушка кивнула. Суп буквально не тек ей в горло, и она так сильно сжала ладонь наставника, что он пробормотал «Ну же, спокойней».

«А вдруг оно не только видит, но и слышит?» – подумала Маргарет.

Энджел зашептал заклинание. Мисс Шеридан сконцентрировалась на его голосе, стараясь дышать в одном ритме с наставником. Суп ей мешал, поэтому она отложила ложку и принялась бездумно катать по скатерти булочку в такт шепоту Редферна. Наконец Маргарет уловила в воздухе слабую вибрацию – защита вокруг дома отозвалась на заклятие Энджела, и девушка прошептала свое. Вибрация волной ушла за стены дома, следом ускользнули чары мисс Шеридан. Наступила тишина. Энджел выпустил руку ученицы, перелистнул газетный лист и сказал:

– Ешьте ваш суп, а то остынет.

Маргарет машинально взяла ложку и покосилась на Редферна. Наставник обычно отличался зверским аппетитом и съедал почти втрое больше пищи, чем обычный мужчина его комплекции. Но сейчас еда его не интересовала: глаза у него горели, крылья носа хищно раздувались, и он подался вперед в явном предвкушении. Вдруг дом и ограду вокруг него опоясало белой вспышкой, и в голове Маргарет прозвучал, как отдаленное эхо, пронзительный крик боли.

Энджел вскочил, отшвырнув газету, девушка тоже, и оба ринулись к стеклянным дверям на террасу. В руке наставника свернул искрящийся белый шар. Маргарет нашла свое поисковое заклинание – оно металось около ограды, точно полоумная серебристая змейка, и едва ли не подскакивало, но почему-то не двигалось дальше.

– Энджел, что с ним? Я напутала что-то, да?

Наставник быстро осмотрелся, пробормотал еще несколько коротких заклинаний, фыркнул, выругался и растворил белый шар в воздухе.

– Это значит, что следящего здесь нет. Он находится на очень большом расстоянии, поэтому ваши чары не могут ухватить его след.

Девушка со вздохом рассеяла заклятие. Никакой-то от нее пользы...

– Но где? – прошептал Энджел. – Я достал его, когда выкрутил защитное поле на максимум, но и только. Где он? И

откуда столько мощи?

– И почему он вообще о вас знает. Вы, случаем, никому не рассказывали всю вашу биографию?

– Ничего удивительного в том, что он кое-что обо мне пронюхал, – задумчиво проговорил Энджел. – Невозможно не оставлять следов, и иногда меня беспокоят всякие... догадливые. Но... – Он нахмурился и замолчал, опустив голову. Когда Маргарет хотела подойти к ограде, наставник резко схватил ее за локоть. – В дом, – отрывисто велел он.

– Но разве вам не нужно помочь...

– В дом!

– Ладно, – с досадой пробурчала мисс Шеридан и вернулась в столовую. Маргарет не очень поняла, в чем причина паники, – конечно, иногда на дома Энджела бросалась недалекая нежить, но на то вокруг и стояла мощная защита, испепеляющая незваных гостей. Девушка подобрала газету и удивленно поморгала на передовицу: картинка и раньше казалась ей знакомой, а теперь она поняла, что это гавань Бресвейн, в которой они с Энджелом бывали. В статье смаковались подробности «ужасающей катастрофы» – кораблекрушения доргернского фрегата прямо на входе в порт. К возвращению Энджела Маргарет успела прочесть статью до конца.

– Защитное поле цело. Ублюдок только подсматривал, не приближаясь. Но с такого расстояния! Сколько же нужно силы!

– А почему он орал, если так далеко?

Энджел поморщился:

– Потому что все равно использовал заклятие, а все они так или иначе – часть нашего разума. Когда я его припек, уничтожив плод сознания, то сознанию тоже досталось. Однако он хитер – использовал одну из разновидностей следящих чар, но не пытался влезть внутрь.

– Но зачем ему это? – недоуменно спросила Маргарет, выбросив фрегат из головы.

– Пока не знаю, – процедил Энджел. – Но узнаю, и тогда у него припечет не только мозги.

* * *

Бреннон отбросил простыню. Кеннеди стоял рядом и протирал пенсне с таким видом, словно говорил: «Сами объясняйте это как хотите!» На шее трупа с двух сторон имелись глубокие проколы с бледным розовым краем.

– Обескровливание, сэр, – констатировал Бирн. – Его нашли на сцене поздно вечером. Вокруг было немного крови, всего несколько маленьких пятен.

– Кто нашел?

– Театральный плотник. Прибежал на крик. Нашел его уже таким. Потом сбежались остальные. – Детектив достал из папки лист бумаги. – Вот список всех, кто был в театре седьмого числа после десяти вечера. Директор Фарлан сра-

зу же послал за врачами, но было поздно. Прибывший доктор констатировал смерть от потери крови. Вот его заключение. Затем кто-то, слава богу, догадался вызвать полицию. Я прибыл туда в начале двенадцатого ночи, осмотрел тело и место. – Бирн вручил комиссару папку. – Все здесь, сэр. Завтра приедут жена и старший сын покойного – они навещают родственников.

Бреннон положил поверх отчета краткое описание жертвы. Джозефу Темплу было пятьдесят три года; и сорок лет он провел в театре. Женой его являлась бывшая актриса, которая родила ему четверых детей. Они собирались вернуться от родичей к премьере спектакля «Царь Иолай» с Темплом в главной роли. Бреннон понятия не имел, почему этому придают такое значение, но Фарлан, судя по протоколу допроса, сокрушался так, словно отмена премьеры пустила по миру и его лично, и весь театр.

«А может, и пустила, – подумал комиссар. – Денежки-то за билеты того, придется вернуть».

Осталось выяснить, имеет ли к этому отношение какой-нибудь человек, или дело в голодной нежити.

– Ладно, дочитаю у себя. Что говорит Лонгсдейл?

– Что это, несомненно, след от укуса вампировидной твари, – ядовито сказал Кеннеди. – Якобы в природе встречаются создания, высасывающие из людей кровь, чем продлевают собственную жизнь.

– Существуют кровососущие летучие мыши, я читал в

одном журнале статью какого-то натуралиста, – заметил Бирн. – Он даже опубликовал зарисовки укусов.

– Я не спорю относительно летучих мышей, юноша. Хотя для того, чтобы высосать столько крови, явно понадобится как минимум сотня мышек. Я всего лишь протестую против термина «оживший мертвец», которым...

– Так, хватит, – решил комиссар. Отчаянная борьба патологоанатома за научный взгляд на трупы его уже утомляла. – Где Лонгсдейл сейчас?

Бирн кашлянул и потупил единственный глаз.

– У вас дома, сэр.

– Чего?! Это еще с какой стати?

– Он сказал, что вы нуждаетесь в защите, и поехал... ну, защищать.

– Твою ж мать, – прошипел Натан. Вот только этого ему не хватало! Ведь полез даже без спроса!

– Но он оставил отчет для вас на столе, – торопливо сказал Бирн. Как будто это могло утешить!

С другой стороны, раз Джен сказала, что вампиры его выследили, то так оно и есть. Причем ведьма не отправилась к Лонгсдейлу, а так и караулила комиссара, сидя в приемной. Правда, Натан не понимал, с какой стати его отслеживать и тащиться следом аж в столицу.

– Ладно, – буркнул он. – Еще какие повреждения?

– Несовместимых с жизнью нет, – сказал Кеннеди. – Есть предсмертные следы борьбы: синяки и ссадины на руках,

плечах и коленях, на боку слева – след от падения на пол. Но умер мистер Темпл от большой потери крови. – Патолого-анатом хмуро уставился на дырочки в шее жертвы. – Прокус произведен двумя длинными острыми клыками, я готовлю вам слепки. Еще кое-где есть царапины от когтей.

– Ты проверял эту хрень у них над сценой? Лонгсдейл сказал, что для гнезда нежити – самое оно.

Кеннеди тяжело вздохнул и прикрыл труп простыней.

– Да, сэр, – хмуро подтвердил Бирн. – Там лазила какая-то пакость, оставила много царапин на дереве. Еще мы нашли много клочков кожи и почти целый парик из темных волос. Но принести не смогли – все это расплзлось в пыль от первого же прикосновения.

– Понятно. – Бреннон взял у старичка отчет о вскрытии и сказал: – Бирн, отправь кого-нибудь по больницам вокруг театра. Пусть спрашивают, обращались ли к врачам пациенты с жалобами на слабость, головокружение и потерю крови. Я съезжу в театр, потолкую с директором. Если Лонгсдейл объявится, пусть ждет меня здесь.

– Думаете, сэр, это существо уже кого-то кусало?

– Раз оно растет, сбрасывая кожу и меняя когти, – то, значит, ест. Меня другое беспокоит. – Натан снова взглянул на тело под простыней. – Лонгсдейл знал, что в театре засел вампир. Чаще всего консультанту хватает трех-четырех дней, чтобы прикончить нежить: отслеживание, засада и конец. Так почему же в этот раз у него не вышло?

Бреннон оперся подбородком на сцепленные пальцы и уставился в отчет консультанта. По негласному уговору между консультантом и шефом полиции, со всеми случаями нападений нежити и нечисти, если это происходило не по вине ее создателя или призывателя, Лонгсдейл разбирался сам. Казалось бы, кончина Джозефа Темпла относилась именно к таким случаям. Но комиссару что-то не давало покоя, да и Лонгсдейл был определенно чем-то встревожен. Это не только читалось между строк в его отчете; он бы не стал посылать вдогонку Натану ведьму, если бы не оказался серьезно обеспокоен.

«Может ли какой-нибудь человек натравить нежить на недруга? На соперника за роль, например? Это же не ифрит, черт побери, а, в сущности, тупые голодные твари, мало чем отличающиеся от животных».

Он вспомнил пятерых бааван ши в поезде и поежился. Бреннон отдавал себе отчет в том, что, не появившись на месте действия ведьма, все кончилось бы весьма плачевно. Но зачем вампировидным так целенаправленно выслеживать именно его? Какая им разница, кого есть?

«Почему в таком случае они не бросились сразу? – нахмурился комиссар. Ведь, если бы не это странное промедление, Джен нашла бы только пару обескровленных трупов. Однако

нежить не кинулась на добычу, хотя могла. – Что их удерживало?»

Некто, расправившийся с Темплом при помощи нежити, вполне мог отправить своих ручных тварей разобраться с тем, кто чуть что – начнет расследование. Вопрос лишь в том, по силам ли человеку подчинить себе вампировидных?

Однако задать его можно было только Лонгсдейлу, и, поскольку консультант отсутствовал, Бреннон встал и взял шляпу, чтобы ехать в театр. Он крайне смутно представлял себе тамошние нравы. Кто его знает, может, дело не в конкуренции за главную роль – иногда для убийства достаточно того, что у жертвы был поганый характер. «Или родичам не терпится наложить лапу на завещание».

Но даже если бааван ши действовали по чьему-то приказу, почему они не убили сразу? Мысль Бреннона прервал стук в дверь, и на пороге появился Лонгсдейл. На лице консультанта и морде пса отразилось такое облегчение, что комиссару стало неуютно.

– Вы целы! – вместо приветствия воскликнул Лонгсдейл, и долг вежливости взял на себя пес, приветливо помахав хвостом. – Рейден, дворецкий, мне доложил, но, скажите, вас не оцарапали? Не укусили?

– Нет, к счастью, я держал их расстоянии револьверного выстрела. Я собираюсь в театр. Вы со мной?

– Да. – Лонгсдейл недоуменно нахмурился: – Но зачем? Джозефа Темпла убили вампиры.

– А мог кто-нибудь подчинить их себе? Чай, не ифрит, а? Консультант задумался. Натан вышел из кабинета и запер дверь. Ведьма караулила на лестнице и без спросу двинулась следом за комиссаром, не спуская с него глаз. Черт знает что!

– Вообще это возможно, – сказал Лонгсдейл. – Для меня, – подчеркнул он, и Натан изумленно вздрогнул:

– Для вас?!

– Я могу подчинять себе примитивную нежить. Но я, как вы понимаете, не совсем типичный обыватель.

Пока комиссар размышлял об услышанном, они сели в экипаж, Джен взобралась на козлы, щелкнула вожжами и направила гнедую пару к театру.

– Вы подозреваете, что это сделал кто-то из вас? – наконец спросил Бреннон. – И потому так вокруг меня скачете?

– Нет! – вскричал Лонгсдейл. – Никто из консультантов не станет...

– С чего вы так уверены? Вдруг кто-нибудь свихнется? Или передумает и сменит сторону? А?

– Это невозможно, – твердо возразил Лонгсдейл. – Консультанты не могут заключать союзы с нежитью и нечистью.

– Почему? Что вам мешает?

– Потому что это нельзя.

– Отчего нельзя? Вам кто-то запретил? Каким образом?

– Нельзя, – повторил Лонгсдейл. – Мы охотимся и убиваем. Не договариваемся, не защищаем нежить и нечисть. Никогда.

– Неужели вы так уверены, что никто из ваших коллег не переметнется – ради выгоды, скажем?

– Нет. Никогда. Никто из нас.

Комиссар пристально на него посмотрел и отстал. Порой ему казалось, что кто-то намерено внедряет в головы таких консультантов блоки, которые не позволяют им делать элементарные для других вещи – например, интересоваться своим же прошлым. Если, конечно, кто-то и впрямь создает таких охотников из людей. А Натан так и не смог найти подтверждения этой идее. Иногда она казалась ему совершенно дикой, но иногда – как сейчас – он глядел на Лонгсдейла и думал, что в ней есть смысл...

– Вы считаете, что кто-то натравил бааван ши на Темпла? Но зачем?

– Из каких-нибудь шкурных соображений или по причине острой личной неприязни, – ответил комиссар. – А вы что считаете?

– Я считаю, – процедил Лонгсдейл, – что бааван ши не полагается быть настолько живучими, чтобы удирать от меня по крышам среди ясного дня.

– Погодите! Вы же в своем отчете написали, что настигли...

– Конечно, настиг! За кого вы меня принимаете? Я профессионал и с двумя в театре разобрался. Я о том, что солнечный свет смертелен для вампировидных низшего класса. Для всех – кроме этих двух.

– Вот оно что, – пробормотал Бреннон. – Вы убили двух вампирш, но одна все-таки уцелела...

– Я зачистил их логово, – покачал головой консультант. – Это обычная процедура: после охоты уничтожается логово. Театр был чист и защищен амулетами, заклятиями и геронами. А вчера, – сквозь зубы закончил Лонгсдейл, – от них уже не осталось и следа.

– Разве вы не должны были почувствовать, что кто-то разрушает вашу защиту?

– Я почувствовал, но был за чертой города – у меня возникла срочная работа на кладбище в заброшенной деревне. Я успел вернуться к приезду полиции и осмотреть тело. Джен уже ехала за вами, так что... проклятие! Мне следовало остаться и караулить у театра! Я бы взял этого типа на месте!

– Вы же не знали.

– Не знал, но должен был догадаться! Бааван ши не принимают солнечные ванны в летний полдень, и я обязан был разобраться, откуда у них иммунитет к солнечному свету!

– Как вы узнали, что они за мной проследили?

– После охоты я отправил к вам домой Джен, она учуяла их следы. Странно. Это нехарактерное поведение для низших вампировидных. Слишком осознанное.

Экипаж остановился перед театром. Старик-привратник оклеивал черным кантом афиши. Бреннон потер баки.

– Что вы будете делать? Я про безопасность театра.

– Посмотрим, – отозвался Лонгсдейл. – У меня в запасе

есть пара фокусов.

«Может, его вообще закрыть? – подумал комиссар. – Попутно проверить всех сотрудников насчет контакта с магией – наверняка гадит кто-то из своих».

Пес первым поднялся по ступенькам. Проходя мимо серых колонн, Бреннон заметил старые следы от шрапнели и пуль. Их намеренно сохранили, и когда Натан приблизился к медной табличке рядом с дверью, то понял почему. Оглядевшись, комиссар нашел и мемориальную доску из черного мрамора.

– Здесь когда-то погибло немало людей, – заметил Бреннон. Пес погладил лапой мрамор. – Я не участвовал в боях за эти кварталы, только слышал, как их обстреливали.

Лонгсдейл приложил ладонь к стене и прикрыл глаза.

– Удивительно, – пробормотал он, – как мало в Блэкуите нежити и нечисти, если учесть, сколько людей погибло тут совсем недавно.

Комиссар кашлянул:

– Это из-за миссис ван Аллен?

– Да. Эти вампировидные тоже зародились не здесь, а пришли откуда-то со стороны. – Натан уже хотел спросить, как вампировидные вообще зарождаются и почему, но консультант открыл глаза и деловито сказал: – Однако здание тут ни при чем. Оно не является дурным местом, если вы об этом.

– Интересно почему? Вон же сколько погибших. Как вообще можно разобраться, почему одно место делается дур-

ным, а другое – нет?

Лонгсдейл прочел текст на медной табличке и ответил:

– Возможно, в данном случае потому, что этот дом стал укрытием и защитой для множества людей. Они уцелели. Поэтому причина появления вампиров не в этом здании. Если бы я догадался выследить их, узнать, откуда они пришли...

– У вас будет шанс. – Бреннон потянул массивную дверь за длинную витую ручку. – Одна-то еще вполне себе здоровствует. Имейте в виду, Фарлан будет не в восторге от нашего визита.

Первое, что они заметили в фойе, – стол, утопающий в цветах, за которыми едва был виден портрет Темпла. Несколько человек, мужчин и женщин, тихонько перешептывались поодаль; директор театра, опираясь на трость, стоял перед столом и смотрел на портрет тяжелым, печальным взглядом. Наконец, вздохнув, Фарлан отвернулся и увидел комиссара с консультантом.

– Добрый вечер, – холодно сказал директор. – Чем обязан?

– Соболезнуем, сэр. – Бреннон кивнул на портрет. – Вы дружили?

– Я знал Джозефа Темпла всю жизнь. Хотя дружить с ним было нелегко, он появлялся был там, где требовалось быть в трудную минуту. Это все, что вы хотели узнать?

– Нет, сэр. Мы можем поговорить наедине?

– О чем? – Фарлан смерил взглядом сперва комиссара,

потом Лонгсдейла. — О том, насколько неоценимой оказалась ваша помощь?

— Я приношу извинения, — с глубокой серьезностью сказал Лонгсдейл.

— Можете унести. — Директор захромал в глубь узкого коридора. — Вашими извинениями его не вернуть.

— Тем не менее то, что убило Темпла, все еще здесь и по-прежнему опасно. — Комиссар без приглашения последовал за Фарланом. — Оно может напасть и на других людей.

Фарлан вошел к себе, добрался до стола и с облегчением опустил в кресло.

— Что вы предлагаете?

— Вы можете закрыть театр на некоторое время?

Эта идея директора не вдохновила.

— Вы в своем уме? — гневно осведомился он. — На что, по-вашему, будут жить все эти люди? — Он потряс бухгалтерскую ведомость. — Или вы считаете, что актеры питаются светом рампы?

Бреннон даже не знал, что такое рампа, но довольно мирно сказал:

— Я же не имею в виду навсегда. На несколько дней или неделю. Я понимаю, вам надо компенсировать потери из-за отмены спектакля, но все же сейчас лучше в первую очередь побеспокоиться о безопасности.

— Ну, особых потерь у нас нет, — пробормотал Фарлан. — Мало кто потребовал возврата денег за билеты, но... хотя,

с другой стороны... – Он задумался, листая блокнот с каким-то расписанием. – Гм, гм... а что вы намерены делать?

Бреннон сел в кресло напротив и спросил:

– Прежде всего, скажите, были у мистера Темпла враги?

Брови Фарлана изумленно поползли вверх:

– Враги? В каком это смысле враги?

– Например, недовольные его завещанием родичи или конкуренты в театре.

– О боже мой, – усмехнулся Фарлан. – За долгие годы в театре я, уверяю вас, видел всякое, но никто не станет убивать за роль. Даже за главную роль в ведущей постановке сезона. Погодите, – вдруг дошло до него, – вы считаете, что это убийство?

– Так считает комиссар, – мягко поправил Лонгсдейл. – Но, вполне возможно, что мистер Темпл просто стал первой жертвой уцелевшей... м-м-м-хм-м-м... уцелевшей твари из выводка, который я, э... ликвидировал.

Фарлан провел ладонью по лбу, задел локтем кипу свернутых на полке афиш, и они с шорохом обрушились на директора. Бреннон подался вперед, машинально сжав рукоять акрама. Пес встал и напряженно втянул носом воздух.

– В чем дело? – резко спросил Фарлан.

– Сидите смирно, – процедил Натан. – Оно не могло уползти далеко.

На стене за стеллажом и на полках виднелись длинные белесые царапины и потеки мутной, полупрозрачной слизи.

– Это остатки сброшенной плоти. – Лонгсдейл уже был на ногах и сжимал зеленый мерцающий трехгранник. – Это не бааван ши.

– А что?

Полосы и потеки плоти тянулись вверх, к узкой вентиляционной шахте под потолком.

– Пока еще не знаю. Но предпочитаю выяснить, пока оно не выросло.

– Эй! – прикрикнул Фарлан. – Что вы вообще несете?!

– Куда ведет эта щель? – Бреннон ткнул кинжалом в вентиляционную решетку. Директор театра обернулся, недоуменно нахмурился и потянул руку к потекам бледной массы.

– Не трогать! – рявкнул Лонгсдейл. Фарлан отдернул ладонь и запоздало возмутился:

– Что за тон вы себе позволяете?

Пес протиснулся мимо него к стеллажу и понюхал следы нежити, потом лизнул и злобно заурчал.

– Вы должны немедленно убрать отсюда всех живых, – вежливо, но непреклонно потребовал Лонгсдейл.

* * *

– Разве это нельзя просто оттереть тряпкой? – спросил Фарлан; пес и комиссар оттеснили его к двери, но он успел откуда-то вытащить пистолет. Интересно, зачем директору

театра оружие?

– Нельзя. – Лонгсдейл протиснулся к стеллажу, провел кинжалом над слизью и макнул в нее палец. Фарлан тихо запыхтел, и Бреннон не стал испытывать его терпение:

– Вы хотя бы примерно можете прикинуть, что это?

– Это ткани зародыша, – ответил консультант. – Но я пока не знаю, что из этого зародыша вырастет. Вампировидные на начальной стадии все одинаковы... – Он задумчиво облил палец. – Но этот недавно ел. Видимо, питался Джозефом Темплом.

– Что значит – питался? – дрогнувшим голосом уточнил директор.

– В вашем театре появилось гнездо вампировидных хищников, – пояснил Лонгсдейл, прежде чем Бреннон успел вклиниться со своим здравым смыслом. – Я перебил взрослых особей, но, видимо, детеныш при зачистке гнезда уполз и спрятался.

– Поэтому вам лучше вывести отсюда всех людей, – добавил комиссар. Фарлан вытащил из кармана платок, вытер лоб и покосился на царапины и слизь. Выглядел директор театра почти таким же несчастным, как Кеннеди при словах «потусторонняя сущность».

– Ладно, – пробормотал директор. – Сейчас организуем, – взял трость и похромал прочь.

– Кусач, ты бы приглядел, – вполголоса позвал Бреннон. Пес поразмыслил, кивнул и бесшумно выскользнул из каби-

нета. А ведь весит собака наверняка под двести фунтов...

– Что из сказанного вами – правда? – спросил комиссар, подходя к консультанту.

– Всё. – Лонгсдейл переставил к стеллажу директорское кресло, влез на него и посветил кинжалом в узкое вентиляционное отверстие. – Чтобы вырасти в нечто определенное, этой твари надо есть. Думаю, на поиски еды она и ушла.

– Но почему оно не прыгнуло на Фарлана?

– Потому что я здесь. Нежить чувствует, кто опасен.

Бреннон вздохнул. Не слишком-то лестно это для него прозвучало.

– А вы сможете установить, управляет ли кто-нибудь этим существом?

Лонгсдейл посмотрел на него сверху вниз.

– Вы все же полагаете, что к этому причастен человек?

– Может, и не человек, – пожал плечами комиссар. – Однако вы сами говорили, что вампиры почему-то стали устойчивы к дневному свету. Значит, кто-то им помог. Вероятно, этот же кто-то разорил вашу защиту театра.

Лонгсдейл прыгнул с кресла и окинул Бреннона скептически-оценивающим взглядом.

– Ладно, – пробормотал консультант, – я же, в конце концов, буду рядом... Идемте.

Натан довольно редко участвовал в охотах Лонгсдейла за нежитью – именно потому, что мог выступать разве что в роли наживки; но это, черт возьми, просто оскорбительно!

Они снова оказались в лабиринте узких коридорчиков, но консультант двинулся вперед весьма уверенно, пояснив на ходу, что изучил архитектурные планы театра. Бреннон мог только позавидовать такой памяти. Его мысли вновь вернулись к вампирам из поезда. Они обещали куда-то его увести – куда? Или это просто вампирская присказка? Но что, если им и впрямь было дано поручение не съесть его, а увести?

«Чушь, – встряхнул головой Бреннон. – Слишком необоснованное предположение. Эх, хорошо бы эту тварь сперва допросить, а потом уже того... ликвидировать».

Едва ли о нежити можно говорить «убить» – она ведь и так мертва... Натан поежился. Ему вдруг пришло в голову, что если любая нежить раньше была человеком, то кто-то вроде Душителя или Полины Дефо вполне может превращать людей в покорную чужой воле нежить. Он уже хотел задать Лонгсдейлу вопрос, но консультант остановился и поднял светящийся зеленым кинжал к потолку. По деревянным перекрытиям тянулись царапины и потеки серой слизи.

– Куда мы идем? – прошептал Бреннон.

– Этот коридор ведет за сцену, в техническую часть.

Акрам в руке комиссара слабо завибрировал.

– Давайте я его выманю, – тихо предложил Натан. – Он прыгнет, а вы...

– Если он прыгнет, то потом я буду провожать вас только в последний путь, – отрезал Лонгсдейл, очертил вокруг ко-

миссара какой-то знак и забормотал себе под нос. Бреннон невольно отодвинулся. – Ладно, так лучше. Держитесь рядом и помните – они бросаются сверху.

Консультант отвернулся, втянув носом воздух, и его глаза хищно загорелись. На миг Бреннону почудился другой – еще один из Редфернов. Ему вспомнился похожий свирепый фанатичный огонь в темных глазах пиромана, как они называли тогда нынешнего наставника Маргарет.

– Наверх, – шепнул Лонгсдейл. Свет от кинжала скользнул по лестнице, ведущей на колосники – тут и там виднелись влажные, слизистые пятна.

– Сможем допросить эту тварь?

Консультант поразмыслил и кивнул. Они начали подъем по узкой темной лестнице. Добравшись до колосников, Лонгсдейл первым ступил на дощатый настил. Выбравшийся следом комиссар заметил сквозь щели крупное рыжее пятно внизу – и тут же сбоку, на грани видимости, мелькнул размытый белесо-серый силуэт. Натан отпрянул и выхватил из кобуры револьвер. Консультант прошипел короткое заклятие и метнул вслед силуэту какой-то клубок. Нежить длинными бесшумными прыжками унеслась вверх и скрылась в перекрытиях, где тень была такой густой, что можно было слона спрятать.

– Оно тут одно? – шепотом спросил Бреннон.

Лонгсдейл склонил голову набок, прислушиваясь и приносясь. Клубок откатился к его ногам – и в этот миг тварь

бросилась сверху. Консультант отшвырнул Натана в сторону, как мешок с тряпьем, и вонзил кинжал нежити в спину. Удар был так силен, что клинок прибил насквозь тощую грудную клетку и острие вылезло под левой грудью вампириши. Она испустила сдавленный хрип и рванулась к комиссару, протягивая вперед длинные руки с острыми розоватыми когтями. Бреннона больше всего поразил их нежный цвет.

Волосы бааван ши, словно плеть, обвили горло Лонгсдейла. Натан кинулся на помощь, но из тени будто соткалась вторая тварь и прыгнула на него сбоку. Она повалила комиссара на пол. Если бы Бреннон непроизвольно не выставил перед собой руку с акрамом – то, верно, последним воспоминанием комиссара стали бы длинные белые клыки и бледно-розовая пасть, распахнувшаяся над ним. Напоровшись на нож, вампириша отпрянула: вдоль ее живота протянулась глубокая темная, но бескровная рана. Края ее стремительно обугливались, и бааван ши скорчилась от боли.

Значки на длинном клинке акрама налились багрянцем. Волосы нежити приподнялись и зашевелились, но Натан уже знал, чего от нее ждать. Он встал, не отводя взгляда от вампириши, и попятился туда, где краем глаза заметил темнеющие на фоне стены блоки и лебедки. Нежить, зловеще шипя, двинулась следом. Она кружила перед комиссаром, но напасть не решалась – акрам удерживал ее на расстоянии.

«Надеюсь, третья не сиганет мне на голову», – мрачно подумал Натан и опустил нож.

Вампирша прыгнула; Бреннон метнулся за блоки и дернул рычаг. Под колосниками что-то с шорохом понеслось вниз, блоки бешено закрутились, а лебедки полоснули нежить, точно тонкие пилы. Волосы бааван ши намотались на тросы, и ее голову дернуло вниз. Раздался громкий визг. Комиссар отскочил, уворачиваясь от клочьев плоти (вдруг ядовитая?), и залег за следующим блоком, к которому крепилось что-то вроде балкона на тросах.

Механизм, пропустив через себя часть вампирши, натужно закрипел, потом послышался звук лопнувших лебедок, и Натан выглянул из укрытия. Измочаленная нежить, слегка пошатываясь, выпуталась из обрывков тросов. Кожу с нее срезало изрядно, а череп местами раздавило, но бодрости тварь не утратила. Уставив на комиссара уцелевший глаз, она кинулась на него, как кошка. И тут настил колосников снизу проломило нечто огромное рыжее и пылающее, сбило нежить прямо в прыжке и вонзило в нее клыки.

– Кусач, не спали тут ничего! – крикнул Бреннон и вско-чил, выискивая Лонгсдейла.

Консультант уже превратился в хозяина положения: он прижимал вампиршу коленом к полу и чертил кинжалом знаки у нее на спине. Нежить, против ожидания, почти не извивалась и не шипела. Наоборот – она распласталась по полу, и выражение ее лица становилось все более умиротворенным и человеческим. Лонгсдейл тихо, нараспев, что-то читал, свободной рукой поглаживая вампиршу по голове.

– Сейчас, – ласково шепнул консультант, – сейчас мы отправимся домой...

Комиссар остановился, опустив акрам. Бааван ши тихо вздохнула и опустила голову на руки. Знаки на ее теле ро-ем поднялись в воздух и закружились, соединяя вампиршу и консультанта тончайшей сетью. Лонгсдейл склонился к девушке, убрал с ее лица черные волосы и нежно заворковал над ней на чужом языке. Она слабо задрожала, и ее дрожь передалась консультанту. На его руках и шее вдруг проступили алые точки укусов, словно пробитые шилом, вены налились чем-то темным и сильно вздулись под кожей. У Лонгсдейла вырвался тяжелый полустон-полувздых. Девушка последний раз вздрогнула, вдруг распахнула глаза, стремительно темнеющие до темно-карего цвета, улыбнулась и рассыпалась в прах. Реюющие в воздухе значки рассеялись.

Бреннон, помедлив, подошел и протянул консультанту руку. Лонгсдейл оперся на нее и поднялся. Следы укусов исчезли, но для комиссара имело значение лишь то, что они были. Потому он не любил участвовать в охотах – они всегда заканчивались этим. Натан знал, что у него самого никогда не хватило бы духу сперва охотиться за нежитью, убивающей людей, а потом вот так прощать ее ради того, чтобы какая-нибудь мерзкая тварь упокоилась с миром.

...хотя потом он всегда вспоминал предсмертный вопль ребенка, превратившегося в утбурда, и тогда его вновь начинали терзать сомнения. Это было противоречие, которое

комиссар не мог разрешить...

– Почему нельзя просто убить нежить? – как-то спросил Бреннон, когда они с консультантом возвращались в его экипаже с очередного рейда по заброшенным шахтам к востоку от Уира.

– Отчего же, можно, – ответил Лонгсдейл. – Но прах убитой нежити остается проклятым и отравляет то место, в котором окажется. Даже если вы бросите урну или труп в болото или зароете посреди пустыни. А массовое захоронение в конце концов само начнет порождать нежить или притягивать нечисть с той стороны. Останки всегда надо очищать и уничтожать проклятие, которое привело к появлению нежити.

– Но вам приходится переживать боль проклятий каждый раз в конце охоты. Как вам хватает сил на это? На падаль, которая убивала людей сотнями?

Консультант взглянул на Бреннона внимательней, чем обычно, – его глаза бледно мерцали в темноте.

– Но ведь каждая нежить когда-то была человеком. Никто не становится нежитью по доброй воле.

Тем не менее комиссар отнюдь не был уверен в том, что монстры нуждаются в прощении... Вот и сейчас он молча смотрел на Лонгсдейла.

– Давайте осмотрим вторую, – сказал консультант. – Вы хотели ее допросить?

– М-да. Если можно. По прошлой встрече мне показалось,

что у них весьма ограниченный словарный запас.

Пес крепко прижимал лапой к полу брыкающуюся вампиршу. Лонгсдейл присел на корточки около нее, и гадина тут же попыталась достать его когтями. Консультант поймал ее руку и невозмутимо сломал запястье. Бреннон насулился. Он не мог понять такой последовательности в отношении к нежити. Лонгсдейл же с интересом поскреб клинком кожу вампириши и осмотрел беловатую крошку, которая осталась на кинжале.

– Взгляните, это какой-то состав.

Комиссар изучил соскоб с приличного расстояния (а то еще вдохнешь этой пакости ненароком). Лонгсдейл снял с ремня плоскую коробочку, высыпал в нее порошок и защелкнул крышку.

– Любопытно, – заметил он.

– Там что-то есть, – сказал Натан, пристально вглядываясь в нежить. Идею с допросом пришлось отвергнуть: череп вампириши был наполовину раздроблен, и говорить она не смогла. Но вот на ее коже, особенно в месте соскоба и там, где прошелся когтями пес, комиссар рассмотрел что-то вроде узоров.

Лонгсдейл достал из чехла лупу и уткнулся носом в бок вампириши. Она снова задергалась, но пес уверенно призвал ее к порядку – сжал в пасти остаток ее головы и стиснул челюсти.

– Действительно, – пробормотал консультант. – Тут узор.

Проклятие! Придется снять с нее кожу, чтобы...

Комиссар не успел как следует шокироваться от этой идеи. Пес вдруг сдавленно взвыл и отпрыгнул. Тело бааван ши выгнулось дугой, так что она поднялась над полом, опираясь на макушку и пятки. Позвоночник выгибался, пока не хрустнул и не разломился пополам. Ребра с треском разошлись, разрывая кожу, пахло трупной вонью и гнилой кровью – и нежить лопнула, обрызгав Бреннона и консультанта жижей и черными клочьями.

– Чертова хрень! – крикнул комиссар. Над ними по перекрытиям пронеслось какое-то существо – отдаленно похожее на бааван ши, лысое, с белесой кожей, покрытой серым узором.

Пес прыгнул, уцепился передними лапами за балки и забрался наверх. Лонгсдейл вскочил и тоже бросился в погоню за нежитью. Комиссар поспешил следом, не желая оставаться последним сервированным к ужину блюдом.

Перекрытия скрипели под весом собаки и обильно сыпали вниз труху и пыль; Лонгсдейл не давал твари спрыгнуть, и вампирий зародыш без толку метался в узком пространстве. Он сделал два полных круга, наконец отчаялся и попытался пробить крышу, цепляясь за настил под черепицей. Пес настиг его, впился зубами в ногу и рывком сдернул вниз, на перекрытия. Консультант ухватился за балки, взобрался наверх с ловкостью кошки и схватил вампира одной рукой за горло, другой – сжал его руки.

Бреннон попытался повторить этот трюк, но не смог. Ему оставалось лишь следить снизу, как консультант навис над нежитью и вперился горящим взглядом ей в лицо. Его глаза потемнели – зрачки расширились так, что целиком затопили радужку. Лонгсдейл побледнел, процедил сквозь зубы несколько слов и вдавил вампира в балки. Нежить уже только слабо трепыхалась; на ее теле Бреннон разглядел такие же узоры. Они сплетались в рисунок, но центр его находился на спине, которой вампир прижимался к балкам, и Натан не мог рассмотреть...

Нежить дернулась под Лонгсдейлом. Ее руки и ноги светло такой же судорогой, как и у другой бааван ши. Консультант отскочил и прыгнул вниз; пес разочарованно зарычал. Бреннон успел отшатнуться и прикрыть лицо локтем. Вампир взорвался такими же черными клочьями, как и предыдущий.

– Что вы с ним делали? – спросил комиссар. Лонгсдейл стоял, прикрыв глаза ладонью. – С вами все в порядке?

– Да. Гипнотизировать нежить труднее, чем живых.

– Вы что-то увидели?

– Море, – ответил консультант. – Я видел море, корабль и слышал доргернскую речь.

9 сентября

Маргарет была уверена, что лезть в закрытую для посе-

тителей Папскую библиотеку – преступление, но когда Энджел хотел что-то узнать, закон ему был не писан. Наставник без труда проник в опечатанное полицией здание, и вскоре девушка уже показывала ему место разыгравшейся драмы. Здесь все было как вчера: перевернутая конторка библиотекаря, разбросанные книги, сломанные и обугленные шкафы, разве что труп вынесли и не слишком старательно затерли пятна крови.

– Если бы вы не поджарили бааван ши, то библиотека пострадала бы куда меньше, – проворчал Энджел, опустившись на колено перед разоренным стеллажом. – Жечь книги – варварство!

– Ага, – отозвалась девушка. Если бы на нее напала стая вампирш, а не всего две штуки, она бы без колебаний спалила всю библиотеку. – Мы можем выследить, откуда они пришли?

– Нет. Одну вы сожгли, а огонь полностью уничтожает следы магии, а вторую испепелило после выстрела. Вы прочли очищающие заклинания?

– Нет, – покаянно вздохнула мисс Шеридан. После погони за кровососущей пакостью это напрочь вылетело у нее из головы. Энджел сурово посмотрел на нее снизу вверх сквозь зеленые очки.

– Так идите и прочтите, нерадивая девчонка!

– А то призраки усопших авторов восстанут и заклюют читателя за критику, – пробормотала Маргарет.

– Что?

– Уже иду, иду...

В этих очках он напоминал ей кудрявую сову, причем сейчас – крайне рассерженную, и она решила не вступать в дебаты. Сплетая очищающие чары, Маргарет недовольно отметила, что иларцы работают спустя рукава – дома, у дяди, место преступления уже оказалось бы оцеплено, полиция допрашивала бы всех свидетелей и прохожих, туда-сюда сновал бы мистер Кеннеди с помощниками с медфакультета, не говоря уже о консультанте с псом... а тут опечатали здание и ограничились полусонной охраной. Пфыр! Не то что Энджел, а любой желающий...

«А вдруг мы здесь не одни?» – подумала Маргарет и заспешила назад к наставнику. Она, правда, не чувствовала больше следящего взгляда, но мало ли... вдруг неведомый злыдень перешел к подслушиванию?

– Энджел, вы не думаете... Боже мой, что вы там делаете?! – воскликнула девушка, обнаружив, что взывает к ногам Редферна ниже колена, тогда как весь остальной Энджел скрылся за ворохом книг на верхних полках. В ответ раздался невнятный возглас, и Маргарет нетерпеливо подергала наставника за брючину.

– Идите сюда!

Девушка поискала лесенку, не нашла и пробормотала «*Volare mea*».

– Ну что? – спросила она, когда утвердилась на верхних

полках. Там было очень пыльно, но наставник сумел выделить из серой пыли некий белый порошок.

– Бааван ши сидела именно здесь, – Энджел повел пальцем по царапинам на полках, – и вот что после нее осталось.

– Что это?

– Думаю, состав, которым кто-то покрыл ее тело, чтобы защитить от солнца. Дайте конверт.

На поясе Маргарет висела сумочка с бумажными конвертами для проб. Девушка достала один и скребок для взятия проб. Пока они в две руки возились с упаковкой порошка, мисс Шеридан спросила:

– Вы не думаете, что он может и сейчас за нами следить?

– Я пока не чувствую слежки. И амулет тоже. – Редферн кивнул на левую запонку. – Я хорошо наподдал любознательному типу, и это должно на время отбить у него охоту к шпионажу.

– Но как он ухитрился вымазать вампирш магическим составом? Их что, можно приручить?

– Нет, – поколебавшись, ответил Энджел. – Но примитивной нежитью может управлять и человек, если... если... – Наставник нахмурился и смолк. Маргарет не стала требовать продолжения. Она и сама уже знала, что при должном старании (и если потратить довольно много времени) человек может достичь весьма впечатляющих результатов. Хилкарнский Душителъ аж на ифрита замахнулся!

«Если нас обучить, мы не так уж и беззащитны», – поду-

мала она и следом за Энджелом спорхнула со шкафа.

Перед тем, как уйти, Редферн собрал несколько осколков стекла перед разбитым окном, хотя бо́льшая их часть вылетела на улицу вместе с бааван ши. Когда они вернулись в экипаж, Маргарет поставила на колени шкатулку с образцами. Экипаж тронулся с места. Энджел довольно долго молчал, глядя в окно на залитые солнцем улицы, а потом сухо спросил:

– Что вы искали в секции с генеалогиями?

Мисс Шеридан сжалась. Она знала, что этот момент наступит, с той минуты, как Энджел вошел в Папскую библиотеку, но так и не придумала ответа.

– Я хотела почитать про аристократию Риады.

– Зачем?

– В вашей библиотеке о ней ничего нет, а мне было интересно...

– Зачем?

Он теперь смотрел на Маргарет, и она уставилась на шкатулку, чтобы спрятаться от этого пронзительного тяжелого взгляда. Энджел редко бывал недоволен своей ученицей, а чтобы настолько – еще ни разу.

– У нас дома в избытке книжек с картинками, – ядовито сказал он. – Вам не обязательно тащиться за ними в Папскую библиотеку и целый день рыться в секции генеалогий.

– Я искала вашу семью, – прошептала Маргарет в слабой надежде, что быстрое признание смягчит его гнев.

– Зачем?

– Я... я подумала...

– Вы подумали, – повторил Энджел таким тоном, чтобы лучше бы орал. – А отчего же вы не подумали спросить у меня?

Маргарет облизнула губы.

– Но... но вы редко говорите о... о вашей семье, и мне показалось, что... что вам это не нравится, – упавшим голосом закончила она, понимая, что оправдание только ухудшило дело.

– То есть вы знали, что мне это не нравится, и все равно полезли выискивать скандальные откровения?

– Я не хотела скандальные...

– Девушка, – холодно сказал Энджел, и Маргарет поникла. – Вы считаете, что именно так следует обращаться с чужим доверием?

Мисс Шеридан опустила голову. Глаза защипало, но плакать было бессмысленно: Энджел решит, что она кланчит прощение, и только сильнее рассердится.

– Почему я не позволяю себе рыться в ваших вещах и обыскивать ваши комнаты, а вы сочли допустимым копаться в том, что вас не касается?

Маргарет съежилась и пролепетала:

– Простите.

– Вы хотите, чтобы я занялся обыском?

– Я положила копии в ящик своего бюро в спальне, – быст-

ро ответила она.

– Я когда-нибудь шпионил за вами, задавал вам какие-нибудь вопросы о вашем прошлом, о вашей семье или о том, что вам неприятно вспоминать?

– Нет, но я же от вас ничего не скрываю и ответила бы, если б вы спросили...

– Девушка, – колюче оборвал ее Энджел.

– Нет, не задавали, – выдавила Маргарет.

– Тогда почему вы решили, что я не вправе надеяться на ответное уважение с вашей стороны?

Девушка только помотала головой, потому что сказать ничего не могла из-за комка в горле. Энджел взял у нее из рук шкатулку и переставил на свое сиденье. Маргарет сдавленно всхлипнула.

– Уверен, что удовлетворение досужего любопытства доставило вам массу удовольствия, – скучающе заметил наставник и отвернулся к окну. Мисс Шеридан забилась в уголок и вытерла глаза ладонью. Перчатка тут же намокла. Оставшийся путь до дома прошел в тишине.

Когда экипаж остановился у виллы, кучер распахнул двери и спустил подножку. Энджел вышел первым и подал Маргарет руку. Девушка задрожала и вцепилась в сиденье.

– Будете ночевать здесь? – с холодком спросил наставник. Она с трудом заставила себя положить ладонь на его руку и сползла по подножке.

– Я отдам вам копии, – прошептала она. – Сейчас или при-

нести в кабинет?

– Наслаждайтесь чтением сколько хотите, – равнодушно ответил Энджел.

Маргарет охватил такой жгучий стыд, что она едва подавила порыв умчаться прочь и больше никогда не попадаться учителю на глаза. Но он цепко сжимал ее руку до тех пор, пока они не вошли в дом. Редферн оставил в холле трость, шляпу, перчатки и унес шкатулку в лабораторию, не сказав больше ни слова. Девушка потащила к себе.

В своей комнате она швырнула в угол шляпку и перчатки, бросилась к бюро и вытряхнула из ящика папку с копиями. Будь оно все проклято, ну зачем она вообще за ними полезла! Вскрикнув от ярости, Маргарет запустила папкой в стену, упала на кровать и зарылась головой в подушки.

«Дура!»

Когда стыд и горе несколько поутихли, девушка еще немного полежала, свернувшись клубочком, а потом пошла умыться. Вряд ли Энджел захочет ее видеть в ближайшие дни (или недели... а может, и месяцы). Но если он заметит ее опухшую физиономию, то решит, что она пытается выплакать себе прощение, а это мало того что недостойно, так еще и низко – после всего, что она наделала. Маргарет подобрала папку, сунула в нее выползшие листы и положила на бюро, чтобы отдать наставнику при первом же случае. Потом взяла учебник алхимии, бросила на подоконник подушки и плед, забралась в это гнездо и приступила к деятельному раская-

нию с помощью изучения раздела неорганических превращений.

Маргарет подняла голову от книги, только когда начало смеркаться, а в животе забурчало от голода. Вряд ли сегодня можно рассчитывать на совместный ужин, и девушка уже потянулась к звонку, чтобы попросить холодные закуски в комнату, как вдруг увидела, что дверь дома открылась – на белые мраморные ступени лег теплый золотистый свет. Он почти сразу исчез, а по ступеням спустился Энджел с небольшим чемоданчиком и тростью. Он пересек сад и вышел за ограду. Маргарет удивленно привстала. Куда это наставник собрался идти пешком?

К счастью, окна ее комнат выходили на дорогу, что вела к рошице неподалеку, к которой и направился Энджел. Маргарет соскочила с подоконника, выбежала из спальни и бросилась к окну в своем кабинете. Что такого наставник хочет сделать, чем нельзя заняться в лаборатории или саду? Девушка не сомневалась, что он собрался проводить какой-то ритуал, и если б она не оказалась такой свиньей, то шла бы сейчас к роще вместе с ним!

На дороге в клубах пыли показалась закрытая, похожая на почтовую карета, запряженная гнедой четверкой. Она мчалась с такой скоростью, что Энджел поспешил отступить подальше на обочину. Но едва карета пронеслась мимо него, как кучер резко натянул поводья. Лошади с хрипом зарылись копытами в дорожную пыль, и прежде, чем карета встала, ее

дверца распахнулась, наружу выскочил человек и распылил Энджелу в лицо что-то из большого баллона. Редферн выронил чемоданчик и согнулся, закрывая рукой глаза.

Маргарет с криком отпрянула от окна. Из кареты выпрыгнули еще четверо и бросились к Энджелу – он, шатаясь и выхватив из трости шпагу, пятился от них к дому. Дальше девушка не смотрела – она рывком выдвинула ящик стола, схватила кобуру с револьвером «Мяу», пояс с набором зелий в колбах, распахнула окно и села на стул.

– Volare mea!

Левитировать, сидя или стоя на чем-то, всегда проще, особенно поначалу, как говорил Энджел, – и сейчас ей было наплевать, что соседи увидят ее вылетающей из окна на стуле. Крепко вцепившись в спинку, девушка направила свое необычное транспортное средство к дороге. Один из нападавших уже отползал в кусты, зажимая распоротый клинком живот, и в пыли за ним тянулась алая полоса. Кучер без движения валялся в луже крови около кареты. На подлете Маргарет расслышала вопль:

– Рот! Рот ему заткни!

– Razor! – в бешенстве крикнула мисс Шеридан: Энджел, даже полуослепший, удерживал гадов на расстоянии клинка. Заклинание девушки полоснуло одного из нападающих – мужик в синей курте заорал от боли, обернулся и взревел:

– А вот и сучка!

Его вопль отвлек Энджела, и один из бандитов бросил-

ся-таки ему за спину, повалил на колени и, натянув на его голову черный мешок, пытался одновременно зажимать Редферну рот и выкручивать руку со шпагой. Второй наносил наставнику удары длинной палкой, чередуя их с орошением из баллона. Энджел вырывался с такой силой, которую едва ли можно предположить в его худощавом теле.

Маргарет снизилась и на лету пнула третьего паразита ногой в голову. Звук был, словно она ткнула тыкву – мужчина вскрикнул и рухнул. Синекурточник попытался схватить девушку за подол, но она увернулась и набрала высоту. Энджел сдавленно зарычал и со всей силы врезал локтем под ребра врагу. Удар головой в нос, правда, смягчился из-за мешка: негодяй только ухнул, но не упустил добычу. Его поделник врезал Редферну палкой в живот, а синекурточный выхватил баллон и направил на девушку. Маргарет взлетела на стуле ввысь – струя из баллона едва задела ее подол.

«Амулет! – в ярости поняла она: костяной медальон, болтающийся на шее нападающего, значительно смягчил действие «Razor». – На-ка, попробуй это!»

Мисс Шеридан выдернула из пояса третью слева колбу и швырнула под ноги мужику в синей куртке. Он отскочил, но поздно: из колбы вырвался рой белых колючих огоньков, миглом учуял живую плоть и обвился вокруг подонка с ног до головы. Раздался дикий крик боли; человек повалился на землю и стал кататься по ней, как безумный. Брызги крови оросили дорогу, прибив пыль.

– In ignis! – прошипела Маргарет, указав на баллон. Тот полыхнул и взорвался.

– Дэм-хати калиб³! – рывкнул Энджел. Его голос был приглушен из-за мешка, а защитный амулет не дал заклятию сработать в полную силу. Но все же вцепившийся в него гад засипел, дернулся, сплюнул кровью, и Редферн вырвался, сдернул с головы мешок и отбил удар палки шпагой. Глаза у него были зажмурены, веки опухли и покраснели, из-под них текли слезы. Бандит с палкой кинулся Энджелу в ноги и повалил наземь.

Маргарет выхватила из кобуры «Мяу» и выстрелила: сперва в того, кто навалился на Энджела, пытаясь добраться до горла, потом – во второго, кашляющего кровью. Первая пуля угодила нападающему в руку, вторая – просвистела над головой его товарища.

Внезапно мужик, которому девушка врезала по голове, очнулся и захрипел:

– Валим! Оставь ты этого выродка! Бежим!

Он вскочил и бросился к карете. Маргарет метнула в его сообщников огненный шар, и они наконец побежали, оставив Энджела. Самый шустрый уже вскарабкался на козлы, оскальзываясь в крови кучера. Девушка приземлилась около наставника. Энджел, дрожа, приподнялся на локтях, и Маргарет подхватила его, подставила плечо. Редферн оперся на нее, сгреб пыль в горсть, забормотал длинное заклинание и

³ Разорви сердце (*халифат.*).

пустил ее по ветру.

По земле зазмеилась пылевая поземка, шлейфом протянулась за каретой, которая стремительно уносилась вдаль. Поземка на глазах превратилась в буран, догнала карету и оторвала от земли. Постромки лопнули, и четверка лошадей, визжа от страха, помчалась прочь, волоча за собой оглобли. Энджел сжал кулак. Буран сдавил карету, раздался хруст, несколько отчаянных воплей, и пыль затянула все целиком. Спустя несколько секунд буран выплюнул бесформенный ком и рассеялся. Энджел тихо выдохнул и, закрыв глаза, тяжело навалился на Маргарет.

* * *

Мисс Шеридан сняла компрессы с век наставника и спросила:

– Можете открыть?

Слипшиеся от слез и полужидкой мази ресницы приподнялись. Девушка промыла его глаза мягким тампоном, смоченным в настое трав, закапала три капли красноватого снадобья и наложила свежие компрессы.

– Спасибо, – сказал Энджел. Он лежал на диване в своем кабинете, куда Маргарет доставила его с помощью безмолвного Хосе – кучера, садовника и единственного слуги на вилле, который теперь уже занялся тремя трупами.

Тем временем Редферн сперва напряженно и почти недо-

вольно ерзал, но потом понемногу расслабился. Маргарет подумалось, что раньше в таких случаях Энджел заботился о себе сам, а тут – чужая забота, он не привык... Может, тактичнее уйти и оставить его одного?

– Как теперь?

– Получше, – ответил Энджел. – Но станет вовсе отлично, если я положу голову на что-нибудь помягче подушки.

Девушка не сразу сообразила, о чем он, пока Редферн не поймал ее за руку и не притянул к дивану. Маргарет смущенно порозовела, но поторопилась устроиться рядом, поскольку это значило, что она прощена (или что он хотя бы не так сердится). Энджел уложил голову ей на грудь, пока она придерживала компрессы на его глазах, и удовлетворенно вздохнул.

– Маленькая воинственная фурия, – с добродушной усмешкой сказал он и прильнул теплыми губами к руке Маргарет, одарив ее дюжиной весьма нескромных поцелуев. Энджел все еще слабо дрожал, и его движения были не слишком уверенными – сказывалось действие нервнопаралитического зелья.

– Вам нужно обработать остальные травмы, – заметила девушка.

– Хотите помочь? – Он поднял бровь над компрессом, и Маргарет захотелось не помочь, а стукнуть.

– Вы же пострадали...

– Пострадало самолюбие, не больше. Меня очень давно

не били палкой. – Помолчав, он зловеще добавил: – Кое-кто дорого заплатит за свое минутное удовольствие.

– Думаете, это сделали ради удовольствия? – скептически спросила мисс Шеридан. – По-моему, вас попросту пытались похитить, как бы дико это ни звучало. Кто сейчас похищает взрослых мужчин?

– То есть если бы я был белокурой девственницей, вы бы не удивились?

– Я бы не удивилась, если бы похитить пытались меня. Даже у бааван ши в библиотеке были шансы.

– Причем гораздо больше шансов, чем у этих идиотов. Кое-кто понадеялся, что я свалюсь в полном параличе и ослеплении от одного вдоха, и крупно просчитался. А наемные бандиты знали, что за дрянь в баллоне, поэтому старались при обрызгивании держаться подальше, так что в основном эта пакость осела на одежде.

– Слушайте, – нахмурилась Маргарет, – не считайте, что я придираюсь, но разве не глупо дать наемникам зелье, амулеты против заклятий и забыть о самых обычных защитных масках?

– Они закрывали лица шарфами... – начал Редферн и замолчал. Девушка хотела заметить, что шарф не слишком-то надежная защита против зелья, тем более что он так и норovit сползти при каждом движении. Да и смысл экономить на такой мелочи, как маски, если уже обвесил бандитов амулетами?

– Они рассчитывали, что вы придете, – вдруг сказал Энджел. – Судя по возгласу, которым вас встретили, очень даже на это надеялись.

– Почему? – удивилась Маргарет. – Если бы они поймали вас, то на что им еще я?

Энджел с досадой фыркнул.

– Похоже, в нас просто потыкали палкой. Спровоцировали, проверили, на что мы способны и насколько опасны.

– Но зачем? Какой в этом прок? Или они хотели вас похитить понарошку?

– Нет, – процедил Энджел, – это был бы приятный бонус. Если б им удалось. Но, думается, на это заказчик и не рассчитывал. Он вволю за нами понаблюдал и решил посмотреть, больно ли мы кусаемся.

– То есть он не дал своим бандитам защитные повязки, потому что они, ну... расходный материал? – неуверенно проговорила мисс Шеридан.

– Именно. – Энджел оттолкнулся локтем от дивана, сел и поморщился. Удары палки явно ему аукались, хоть он старался не подавать виду. Он снял компрессы, бросил на поднос и промокнул глаза мягкой салфеткой. Они все еще были воспалены, хотя уже не слезились.

– Энджел, вы уверены... – встревоженно начала Маргарет.

– Я не собираюсь ждать, пока он сбросит на мой дом бомбу. Вздумал лезть – так пусть жрет полной ложкой.

Его взгляд свирепо вспыхнул, и Маргарет, мигом вспомнив о своей провинности, потупилась.

– Испугались? – неожиданно мягко спросил Энджел. Девушка неуверенно покачала головой. – Напрасно. Теперь этот укротитель вампирш точно знает, в каких мы отношениях.

«И в каких же?» – чуть не вырвалось у Маргарет, но она вовремя прикусила язык.

– Разве это так важно?

– Важно. Вы оказались бы в гораздо большей безопасности, если бы заказчик считал вас всего лишь моей любовницей.

Маргарет зарделась. Об этой части жизни она знала лишь одно: быть чьей-то любовницей постыдно для уважающей себя девушки. Но в словах Энджела имелся еле уловимый намек на что-то еще – что-то угрожающее лично ей.

– Но разве я не... не ваша любовница? – робко пискнула она.

– Что?! Конечно, нет! – расхохотался Энджел. – Разумеется, в глазах света, раз мы живем вместе, ваше имя опорощено, но... а почему вы спрашиваете?

Девушка густо покраснела и не нашла слов для ответа, особенно когда он уставился на нее пристальным насмешливым взглядом, который, впрочем, тут же смягчился. Энджел провел ладонью по ее щеке:

– Идите к себе, отдохните и поешьте наконец.

– А вы? – Маргарет взяла его ладонь обеими руками. – Вам не нужно помочь?

– Я собираюсь обыскивать трупы. Вы уверены, что хотите принять участие?

– Н-нет, но я имела в виду... ну, то есть... – она смешалась, не зная, как высказать свои опасения, чтобы снова не рассердить наставника, и беспомощным жестом обвела его ребра, которым изрядно досталось в потасовке.

– Это не смертельно, – с усмешкой ответил Энджел. – Идите. До завтрашнего утра я вас не побеспокою. Хотя, – ехидно заметил он, – мне все еще следовало бы на вас сердиться. Но это мы обсудим позже. После того, как я вырву глаза любителю подглядывать.

«Слава богу», – трусливо подумала Маргарет. Ей совсем не хотелось снова это обсуждать. Тем более она не решилась высказать вслух еще одну мысль: откуда заказчик похищения вообще узнал об Энджеле? Неужели за ними следили так долго и незаметно? Но знает ли этот человек, кто Энджел на самом деле?

* * *

– Маргарет...

Настойчивый шепот проник в ее сладкий полуночный сон, и девушка беспокойно зашевелилась.

– Маргарет, проснитесь...

Она вздрогнула в полусне и глубже зарылась под одеяло. Чья-то рука легла на ее плечо и сильно встряхнула.

– Маргарита! Подъем!

Девушка подпрыгнула и едва не врезалась макушкой в подбородок Энджела. Спросонья она даже не сразу сообразила, что сидящий на постели наставник – вовсе не продолжение сна. Редферн бросил на покрывало газету и какой-то грязный кулон, и тут Маргарет наконец проснулась.

– Энджел! – с упреком вскричала она, натягивая одеяло до самых глаз. В жарком Авентине девушка надевала на ночь полупрозрачную сорочку почти без рукавов и с глубоким вырезом, и если хоть краешек одеяла сползет...

– Не время спать, – непреклонно заявил Редферн, презрев всякие приличия. – Я обыскал трупы и вот что нашел. – Он покачал кулоном прямо перед Маргарет.

Девушка протерла глаза и покосилась на часы. Полвторого ночи!

– Вы совсем не ложились? Хватит тыкать в меня этой грязной гадостью!

– Мне некогда ложиться, – отмахнулся Энджел; его глаза, все еще припухшие, тем не менее горели хищным азартом. – Эта грязная гадость, между прочим, тот самый амулет, которого касались руки нашего таинственного злопыхателя.

– Вы смогли его выследить?! – Маргарет привстала в постели, едва не упустив одеяло.

– Нет, конечно, он же не идиот. Амулет перегорел, едва

его носитель погиб, что весьма недурной способ замести следы.

– Поэтому вы меня разбудили, – сухо сказала мисс Шеридан.

– Маленький сонный сурок, – мурлыкнул Энджел, лучась самодовольством. – Лучше бы он взорвал своему наемнику голову.

– Почему?

– Потому что наши воспоминания хранятся именно там, в головном мозге.

– Вы их достали?! Но ведь этот тип умер!

– Да, недавно. Так что мозг был свеженький, совершенно нетронутый разложением. Три мозга. Я вскрыл всех трех мертвецов.

– Погодите, но это же некромантия! Вы же сами говорили, что ею нельзя пользоваться, что пробуждать мертвых дурно!

– Пробуждать – да, а пользоваться нельзя вам, потому что вы совершенно неопытны. А мне можно, тем более, ради познания. К тому же, если вас это так волнует, я никого не пробуждал, и восставшие мертвецы не потревожат ваш сладкий сон. Я достал мозг и, гм, временно оживил его импульсами магического тока. Это даже не полноценное функционирование.

– Все равно звучит ужасно. Что вы узнали?

– Точнее сказать – увидел. – Энджел прилег на подушку рядом и прикрыл глаза. Выглядел он довольно-таки устав-

шим, и Маргарет с тревогой подумала, не отравился ли наставник сильнее, чем показывает. – Нанимателя, конечно, никто толком не разглядел. Он воспользовался самыми надежными чарами для сокрытия внешности – широким плащом с глубоким капюшоном. Предложения тоже делал типичные: деньги, власть, удача, железное здоровье, долгая молодость. Показал несколько фокусов, они и поверили. Ну и денег заплатил, притом немало.

– Но кому он это все предлагал?

– О, это самый смак! Он сбивал с пути истинного моряков доргернского флота, а точнее – кучку сволочи с фрегата его величества «Кайзерштерн». – Энджел развернул газету. Маргарет с изумлением уставилась на передовицу. Доргернские моряки – это последнее, о чем она думала.

– Тогда почему они говорили по-иларски?

– Им было приказано говорить на том языке, который я пойму.

– Так он считает вас иларцем?

– Ну, девушка, подумайте же головой хоть немного – здесь все считают меня иларцем.

Маргарет хмыкнула – в Иларе те немногие, кого Энджел достаивал личного общения, знали его как Энео Моранте. С чего бы нанимателю моряков думать иначе?

– А это приводит нас прямоком в Бресвейн – к кораблю, который затонул там после того, как его экипаж дезертировал, чтобы служить другому господину.

– Думаете, это как-то связано?

– Думаю, что, судя по описанию катастрофы, дело не обошлось без магии. Корабли, Маргарет, так не тонут. Этому хорошенько помогли.

Мисс Шеридан просмотрела статью и хмуро спросила:

– А вы не думаете, что вас просто выманивают из дома и тащат в какую-нибудь ловушку?

– Даже если так, то заманивать меня в ловушку – чертовски опасная затея. И я постараюсь, – свирепо прошипел Энджел, – чтобы ублюдок как следует это осознал, перед тем как сдохнет.

* * *

Когда Бреннон и Лонгсдейл вышли из театра, мистер Фарлан встретил их с таким мрачным видом, словно ожидал, что здание вот-вот рухнет за их спинами. Весть о поломке колосников директор воспринял без восторга.

Спустя час Бреннон в своем кабинете изучал показания врача, которые полицейские добыли в больнице неподалеку. Он зарисовал по памяти «след от укуса странного животного», с жалобой на который к нему обратился один из пациентов. Вампиры запустили зубы в горожанина второго сентября, за два дня до того, как Фарлан обратился к Лонгсдейлу. Сейчас было уже девятое число, а труп всего один. Что вполне объяснимо, если тварями кто-то управляет. Но кто и

с какой целью?

Бреннон отхлебнул кофе. Шеф проломит головой потолок, когда узнает, что ради нужд расследования комиссару придется вернуться в Бресвейн и путаться под ногами у следователей ОРБ. Натан не верил в совпадения – доргернский корабль затонул чертовски странно, и на каком еще судне вампирша могла наслушаться доргернской речи? Комиссар плохо разбирался в морском деле, но прослужил три года на побережье Мазандрана и видел несколько кораблекрушений. Ни одно не было похоже на то, что случилось с «Кайзерштерн».

«Но если след ведет к Доргерну, то, выходит, актер был случайной жертвой. Может, вернуть его тело семье?»

Бланк на возвращение тела для погребения он уже готовил, хотя и не любил отдавать трупы жертв до окончания расследования, что бы там ни верещали шишки в мэрии насчет расстроенных чувств родичей. Комиссар считал, что их чувства расстроятся куда сильнее от эксгумации... или от того, что безвременно усопший муж и отец выцарапается из могилы и пойдет сосать кровушку родных и близких.

«Спрошу Лонгсдейла, когда он закончит с защитой театра, – решил Натан и отодвинул бланк. – Но какого черта вампиршам здесь надо?»

Зачем они следили за ним? Бреннон не мог взять в толк, что за интерес он представляет для хозяина нежити. Вот если б твари увязались за Лонгсдейлом – тогда все было бы

понятно; но консультант, то еще чудо природы, совершенно вампирш не интересовал.

Натан вздохнул и отодвинул опустевшую чашку. Он не смог сдержать данное консультанту слово – не узнал ничего о том, кто, когда и почему превратил Лонгсдейла из человека в охотника на нежить. Кем был консультант до этого – тоже оставалось загадкой. Натан надеялся, что след Редферна, взятый в Фаренце, приведет к разгадке, – но ошибся. Затея оказалась бесполезной, потому отследить его удалось только до Лиганта. А что до адреса, куда Лонгсдейл отправлял запросы на оружие и амулеты, – это оказалось почтовое отделение под Авентином, откуда тысячи посылок, от крошечных конвертов до огромных ящиков, рассылались ежедневно по всем странам и континентам. Естественно, без ордера от властей Бреннон ничего там не добился.

Правда, оставалась еще фамилия, которую носил пироман. В Авентине, в Папской библиотеке, комиссар кое-как столкнувался с хранителем, и тот нашел ему несколько книг по генеалогии и родовое древо. Там действительно значился некий Энджел Редферн; упоминалось и родовое гнездо семейства – замок Фарна. Но, как следовало из документов, этот род полностью пресекся по неизвестной причине еще задолго до революции. Натан заказал копии страниц и по прибытии в Блэкуит отдал их переводчику. Все это поглотило весьма приличную сумму денег, но не принесло результата – Бреннон узнал из текста, что Редферны славились на

редкость буйным нравом, богатством (разумеется, неправедно нажитым) и полным презрением к моральным устоям.

...эх, Маргарет, Маргарет...

Особой буйности за пироманом Натан не замечал, но насчет устоев был полностью согласен. Бесследно исчезнувшая племянница тому подтверждение. Что с ней будет, когда Редферн наиграется да выбросит? Где ее искать, как помочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.